A243
19

А24 3/19

С. П. НИКОНОВЪ.

Ординарн. проф. Новороссійскаго университета.

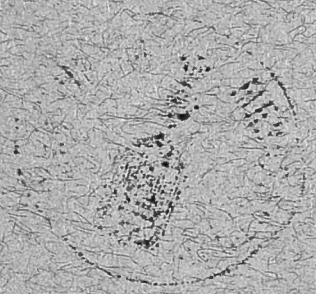
А24 3/19

Основныя начала

положений

19-го февраля 1861 года.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Успенская, 56.
1911.



7481.

А 24 3/19

Гос. Истор.-Научн. Б-ка НКП РСФСР Инвент. № 333967 198 гг.

Основныя начала реформы 19 февраля 1861 года.

Освобожденіе крестьянъ является, какъ извѣстно, распадомъ послѣдняго звена цѣпи, скрѣплявшей въ Московскомъ государствѣ всѣ сословія въ ихъ непрестанномъ служеніи „дѣлу государству“. На Москвѣ каждый, начиная отъ боярина и до крестьянина, былъ крѣпокъ той службѣ царской, какая ложилась наслѣдственно на его семью и родъ.

Что касается крестьянъ, то для нихъ и начало императорскаго періода было очень тяжелымъ временемъ. Царь Петръ I въ своемъ строительствѣ всего государства на новый ладъ, прежде всего, требовалъ отъ всѣхъ подданныхъ той службы себѣ, къ какой каждый былъ призванъ еще московскимъ укладомъ государственнаго быта.

Съ этой цѣлью онъ не только подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ помѣщиковъ и обложилъ ихъ налогами, но уничтожилъ прежде существовавшихъ „вольныхъ гулящихъ людей“. Гулящіе люди, до Петра свободно переходившіе съ мѣста на мѣсто и свободно рядившіеся въ крестьянство, теперь должны были или идти въ военную службу, или приписаться въ крѣпостную зависимость къ тому, кто ихъ приметъ, или, наконецъ, быть сосланы въ Сибирь на поселеніе. Дѣло при немъ дошло до того, что указами 1720—1723 гг. Петръ I велѣлъ помѣщикамъ включать въ число своихъ крѣпостныхъ излишнихъ церковно-служителей, а дѣтьми прежде бывшихъ поповъ, дьяконовъ и при-

60 1/5

четниковъ указалъ владѣть тѣмъ, на чьихъ земляхъ они будутъ записаны въ подушный сборъ.

Старые „черносошные“ крестьяне тоже были привлечены къ платежу подушнаго оклада и составили сословіе государственныхъ крестьянъ. Это сословіе должно было находиться въ такомъ же отношеніи къ правительству, въ какомъ находились владѣльческіе крестьяне къ своимъ господамъ; причемъ за одно Петръ обложилъ всѣ разряды государственныхъ крестьянъ особой „оброчной“ податью. Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь устанавливается общее правило, что крѣпостными могутъ владѣть только тѣ, у кого есть деревни, а затѣмъ изъ этого выводится заключеніе, что только шляхетство (служилое дворянство), какъ сословіе, законно владѣющее деревнями, можетъ имѣть крѣпостныхъ. Помѣстье и вотчина одинаково стали безусловной недвижимой собственностью дворянъ; причемъ и крѣпостные стали считаться частью полной дворянской собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ Петра быстро расширяется право помѣщиковъ распоряжаться своими крѣпостными. Указомъ 14 декабря 1747 года было разрѣшено помѣщикамъ продавать крестьянъ и дворовыхъ, кому угодно, для отдачи въ рекруты, изъ чего многіе помѣщики составляли себѣ статью дохода.

Въ царствованіе Екатерины II крѣпостное право достигаетъ высшей точки своего развитія, главнымъ образомъ благодаря тому покровительству, которымъ императрица эта отличала дворянъ передъ другими сословіями. Полная отмѣна обязательности службы окончательно сообщила дворянскому владѣнію населенными имѣніями характеръ владѣнія на частномъ правѣ. Крѣпостной крестьянинъ сталъ тогда считаться имуществомъ своего господина; послѣдній могъ распоряжаться своими людьми наравнѣ съ „прочимъ дворянскимъ скарбомъ“, принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. На практикѣ торговля людьми была очень распространена въ 18 вѣкѣ, причемъ нерѣдко крѣпостныхъ выводили на рынки, какъ невольниковъ, а тогдашнія газеты были полны объявленіями вродѣ слѣдующихъ: „продается лѣтъ 30-ти дѣвка и молодая гнѣдая лошадь, ихъ можно видѣть тамъ-то“, или — „продается 20-ти лѣтъ дворовый человѣкъ и лучшей породы корова“, или—

„продаются четыре пары гончихъ, 15 щенковъ и двѣ дѣвки“ и т. д.

Положеніе крестьянъ стало особенно плохимъ съ 1767 года, когда указомъ они были лишены права подавать челобитныя на тиранство своихъ помѣщиковъ не только царю, но и мѣстному начальству; причемъ подавшимъ такія челобитныя указъ грозилъ кнутомъ и безсрочной ссылкой на каторжныя работы, съ зачетомъ ихъ владѣльцамъ въ рекруты. Въ такомъ печальномъ положеніи и жили, вѣрнѣе—мучились, помѣщичьи крестьяне вплоть до своего освобожденія царемъ Александромъ II.

Сравнительно лучше жилось крестьянамъ государственнымъ. Прежде всего, въ отношеніи къ нимъ, за крайне рѣдкими въ общемъ исключеніями, никогда почти не встрѣчалось случаевъ такихъ надругательствъ и издѣвательствъ состороны казенныхъ управителей, какія сплошь и рядомъ позволяли себѣ помѣщики по отношеніи своихъ крѣпостныхъ. Начиная съ 1700 годовъ, казна стала, по примѣру помѣщиковъ, все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ частныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на казенныхъ земляхъ, и во внутренніе распорядки ихъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство начало смотрѣть на государственныхъ крестьянъ, какъ на казенную собственность; а потому и распоряжалось ими, какъ прочимъ своимъ имуществомъ, продавало ихъ и раздавало вмѣстѣ съ землею частнымъ лицамъ въ награду за службу или за особыя услуги, оказанныя царю или правительству. Такая раздача уже производилась при Петрѣ I; но особенно злоупотребляли ею Екатерина II, раздавшая за 35 лѣтъ царствованія около 800.000 душъ, и еще болѣе—императоръ Павелъ Петровичъ. За 4 года своего царствованія онъ сумѣлъ раздарить около 600.000 крестьянъ обоего пола, половину которыхъ составляли дворцовые крестьяне, жившіе по тѣмъ же правиламъ, какъ и крестьяне государственные.

При Александрѣ I „благіе порывы“ начала его царствованія были крайне неблагопріятны для крестьянъ. Въ это время, напр., возникло предположеніе (правда, не осуществившееся) о распространеніи *на всѣ сословія* дворянской прерогативы—права владѣть землями, населенными крестьянами.

Великія событія 1812 года, когда двѣ стихійныя силы —морозы и наше крестьянство—освободили Россію отъ нашествія на нее „дванадесяти языковъ“, снова возбудили, изъ весьма понятнаго чувства признательности, въ лучшихъ членахъ нашего тогдашняго культурнаго общества, вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости путемъ предоставленія *личной* свободы крѣпостнымъ, хотя и безъ земли. Въ 1813 г. Канкринъ представилъ свой проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, въ которомъ впервые былъ разработанъ этотъ вопросъ достаточно ясно. Даже въ придворныхъ сферахъ настроеніе складывалось въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ.

Александръ I, внявъ всему этому, поручилъ разрѣшеніе вопроса... Аракчееву, который повелъ дѣло ad maiorem помѣщиковъ gloriam, предложивъ предоставить послѣднимъ право продавать крестьянъ въ казну съ надѣломъ въ 2 десятины на душу и съ оцѣнкой надѣльнаго имѣнія — представителями мѣстнаго дворянства, а оброчнаго имѣнія—путемъ капитализаціи оброка изъ 5%.

Къ счастью для крестьянъ, этотъ проектъ такъ и остался однимъ изъ неосуществившихся „благихъ порывовъ“ Александра I. Какъ бы взамѣнъ этого, 13 февраля 1823 г. Аракчеевъ, въ качествѣ главнаго начальника военныхъ поселеній, публикуетъ указъ о пополненіи личнаго состава военно-поселенцевъ путемъ покупки для того людей; причемъ установляетъ и таксацію цѣны за такую покупку, именно, оцѣнивая годового ребенка въ 22 р., двухлѣтняго—въ 44 р. и т. д. до 1000 р. за взрослаго.

Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ улучшить положеніе крѣпостныхъ, однако, публично манифестомъ 12 мая 1826 года опровергъ всѣ слухи объ отмѣнѣ или даже смягченіи крѣпостного права. Въ то же время, въ теченіи всего царствованія своего, онъ, по выраженію Заболоцкаго-Десятовскаго, велъ противъ крѣпостного права лишь „партизанскую войну“. Государь считалъ своею обязанностью, какъ выражался самъ въ письмахъ къ своему „начальнику штаба по крестьянской части“ Киселеву, лишь подготовить преобразованіе крѣпостного права для наслѣдника.

Съ этой цѣлью Николаемъ I „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій и наименованій“ въ теченіи его царствованія былъ созданъ рядъ секретныхъ комитетовъ. Между прочимъ, въ 1830 г. былъ составленъ Сперанскимъ, на основаніи собственноручной записки Николая I, по порученію Государя, проектъ улучшенія крестьянскаго быта, въ которомъ онъ предполагалъ уничтожить личную крѣпость, какъ продуктъ позднѣйшаго злоупотребленія помѣщичьей властью, и оставить одно чисто земельное прикрѣпленіе. Проектъ этотъ, равно какъ и проекты, предложенные графомъ Кочубеемъ, маркизомъ Паулучи и другими, обсуждался въ государственномъ совѣтѣ 24 и 27 марта 1830 года и былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на возраженія со стороны Мордвинова и Великаго князя Константина Павловича. Государь согласился съ большинствомъ, но велѣлъ еще разъ обсудить это дѣло, что и было сдѣлано государственнымъ совѣтомъ въ трехъ апрѣльскихъ его засѣданіяхъ, послѣ которыхъ было рѣшено немедленно обнародовать, въ видѣ закона, выработанный проектъ. Наступившій въ то же время мятежъ въ Польшѣ, однако, помѣшалъ этому, и новый законъ о состояніяхъ такимъ образомъ оказался мертворожденнымъ.

Севастопольская гроза, открывшая съ излишней даже очевидностью глиняныя ноги у „россійскаго исполина“, указала настоятельную необходимость полнаго преобразованія основъ государственной жизни. Про наслѣдника цесаревича Александра Николаевича еще въ послѣднее время царствованія его отца было извѣстно, что онъ вообще за отмѣну крѣпостного права. Вскорѣ по восшествіи его на престолъ факты подтвердили эти ожиданія.

Въ 1856 году Александръ II сказалъ московскому дворянству, между прочимъ, слѣдующее: „Господа, вы знаете, существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“. Эти слова не оставляли уже никакого сомнѣнія во взглядахъ молодого царя.

3 января 1857 года былъ образованъ секретный „особый комитетъ“ подъ предсѣдательствомъ убѣжденнаго крѣ-

постника кн. Орлова; членами этого комитета избраны были несвѣдущіе въ крестьянскомъ дѣлѣ (тогда) Ростовцевъ и Чевкинъ, лица престарѣлыя (Блудовъ и Ланской), индиферентный бар. Корфъ и прямо враждебные реформѣ А. М. Муравьевъ, шефъ жандармовъ Долгоруковъ и кн. Гагаринъ. На вопросъ государя: наступило-ли время освобождать крестьянъ—всѣ, впрочемъ, отвѣтили, что оно наступило, указывая, однако, на необходимость вести дѣло осторожно и поручивъ своимъ тремъ членамъ (Ростовцеву, Корфу и Гагарину) предварительную разработку вопроса.

Съ августа того же года въ члены комитета былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ реформы. Но, не смотря на это, 18 августа комитетъ „пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ“, такъ какъ къ этому „не только помѣщики и крестьяне, но даже и само правительство не приготовлены“. Намѣреніе членовъ комитета провалить реформу было слишкомъ очевидно.

Государь, однако, настоялъ на своемъ. Въ концѣ октября того же 1857 года пріѣхалъ въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ мнѣнія дворянства сѣверозападныхъ губерній объ установленіи его отношеній къ крестьянамъ.

Результатомъ ознакомленія Александра II съ этими проектами былъ рескриптъ Назимову 20-го ноября 1857 г., *съ котораго начинается оффиціальная исторія освобожденія крестьянъ*. Опираясь на послѣднюю записку Левшина, государь, по желанію дворянства литовскихъ губерній, въ рескриптѣ этомъ устанавливалъ созваніе въ нихъ губернскихъ комитетовъ для составленія проектовъ, „на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній“. Въ рескриптѣ было указано далѣе на организацію работъ дворянства для осуществленія плана и начертаны тѣ начала, которыя должны были служить руководствомъ при улучшеніи быта крестьянъ. Черезъ 15 дней послѣ рескрипта Назимову поступило прошеніе с.-петербургскаго дво-

рянства о дозволеніи ему приступить къ составленію предположаній объ улучшеніи быта ихъ крестьянъ. Отвѣтомъ на него явился новый рескриптъ отъ 5 декабря 1857 г на имя Игнатьева, въ общемъ схожій съ назимовскимъ. Вслѣдъ за этимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, по совѣту великаго князя Константина Николаевича, захватилъ секретный комитетъ врасплохъ и вырвалъ у него постановленіе разослать текстъ рескрипта всѣмъ губернаторамъ. Текстъ этотъ, а равно циркуляръ Ланского, отпечатали въ теченіе одной ночи и на другой же день разослали. Князь Орловъ на завтра спохватился, но было уже поздно. Въ циркулярѣ своемъ Ланской увѣдомлялъ губернаторовъ и предводителей дворянства, что правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта поселянъ.

Отъ 10 декабря, т. е. всего черезъ 2 недѣли послѣ разсылки копій съ рескрипта, Ланской запрашивалъ секретно губернаторовъ и губернскихъ предводителей, какое впечатлѣніе произвели рескрипты въ разныхъ губерніяхъ. Общій тонъ отвѣтовъ было далеко неутѣшителенъ: идеи крѣпостниковъ торжествовали почти всюду.

Выжидательное положеніе, принятое вслѣдъ затѣмъ правительствомъ, вскорѣ разрѣшилось полученіемъ адреса Нижегородскаго дворянства, въ которомъ, благодаря случайному настроенію дворянъ (или, какъ они сами позднѣе увѣряли, благодаря введенію ихъ въ заблужденіе губернаторомъ—бывшимъ декабристомъ—Муравьевымъ), было высказано единодушное желаніе „принести Е. И. В. полную готовность исполнять Его священную волю на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать“.

Затѣмъ постепенно стали (вплоть до октября 1858 г.) поступать ходатайства дворянъ и другихъ губерній объ учрежденіи у нихъ губернскихъ комитетовъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ обществѣ, окружавшемъ государя, было мало сочувствія дѣлу освобожденія крестьянъ. Можно прямо сказать, ьто, кромѣ императрицы Маріи Александровны и великой княжны Елены Павловны, искренними сторонниками пла-

новъ государя насчетъ освобожденія крестьянъ были лишь великій князь Константинъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцовъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской. Министръ государственныхъ имуществъ М. Н Муравьевъ и государственный секретарь В. И. Бутковъ въ 1857 г. даже разъѣзжали по Россіи и прямо агитировали противъ предпринимавшейся реформы. Даже большинство членовъ созданнаго 8 января и 18 февраля 1858 года главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, которому поручено было дѣло освобожденія крестьянъ (наприм., Орловъ, Адлербергъ, Панинъ), заботилось о томъ лишь, чтобы по возможности замедлить ходъ дѣла, и если представится возможность, то и прямо похоронить въ морѣ бумагъ.

Вся трудность освободительной реформы императора Александра II заключалась, прежде всего, въ такомъ организованномъ сопротивленіи высшихъ придворно-крѣпостническихъ и бюрократическихъ сферъ и малочисленности такихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, опираясь на которыхъ государь и могъ бы совершить великій актъ освобожденія крестьянъ.

Чтобы бороться противъ такой дѣятельности противниковъ реформы, императоръ Александръ II вынужденъ былъ самъ предпринять нѣсколько поѣздокъ по губернскимъ городамъ, гдѣ онъ въ рядѣ рѣчей заявилъ свою непремѣнную волю довести начатое дѣло до конца.

Въ теченіи 1858 и половины 1859 г. поступали въ министерство внутреннихъ дѣлъ составленные губ. комитетами проекты, вмѣстѣ съ которыми изъ многихъ губерній были доставлены еще особыя записки по разнымъ вопросамъ, написанныя отдѣльными членами или комитетскимъ меньшинствомъ. Послѣ составленія проектовъ губернскіе комитеты были закрыты.

Къ этому времени особенно усиливается вліяніе Я. И. Ростовцева на государя.

Этотъ внукъ слесаря, сынъ купца, сдѣлавшись горячо убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ, указаніемъ средствъ и пріемовъ проведенія этой реформы какъ будто выяснилъ императору собственныя мысли Александра II-го.

По предложенію Ростовцева, въ началѣ 1859 г. были учреждены особыя редакціонныя комиссіи, которымъ поручено было выработать общій проектъ крестьянской реформы. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ назначенъ Ростовцевъ, и подъ его вліяніемъ въ составъ ихъ вошли многія изъ лицъ, уже извѣстныхъ своими трудами по крестьянскому дѣлу. Въ комиссіи не были допущены даже съ правомъ совѣщательнаго голоса депутаты отъ губернскихъ комитетовъ.

Вскорѣ послѣ ихъ открытія комиссіи были преобразованы такимъ образомъ, что первая была раздѣлена на юридическое и административное отдѣленіе, а вторая превращена въ хозяйственное отдѣленіе. Каждое отдѣленіе выбрало своего предсѣдателя (Жуковскій, Булгаковъ, Милютинъ). Члены, взявшіе на себя предварительную разработку докладовъ, получили названіе редакторовъ. Дѣятельность комиссій состояла въ сопоставленіи переданныхъ сюда изъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ мнѣній губернскихъ комитетовъ и „обзорѣ основаній“, къ которымъ сводились эти мнѣнія; затѣмъ слѣдовалъ сводъ замѣчаній, сдѣланныхъ губернаторами, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и членами главнаго комитета, послѣ того соображенія отдѣленія и, наконецъ, окончательный выводъ въ формѣ параграфовъ законопроекта. „Труды комиссій“ печатали въ количествѣ 3000 экземпляровъ и разсылали губернаторамъ и предводителямъ. Комиссіи работали чрезвычайно быстро подъ давленіемъ Ростовцева, который, опираясь на волю государя, велъ себя въ комиссіяхъ, какъ диктаторъ.

Задача этихъ комиссій заключалась въ томъ, чтобы свести всѣ проекты, выработанные губернскими комитетами, и составить изъ нихъ: 1) проектъ одного общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости для всей Имперіи, и 2) особыя мѣстныя положенія, которыя регулировали бы поземельныя отношенія и повинности крестьянъ въ разныхъ областяхъ Россіи, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ.

5-го марта 1859 года предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ предложилъ имъ на обсужденіе нѣсколько мыслей, которыя, какъ *основныя*, небезполезно было принять въ соображеніе. Эти основныя мысли Ростовце-

ва, устами котораго говорилъ самъ императоръ, были слѣдующія:

1) „Предстоящій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія и улучшеніи быта крестьянъ долженъ быть разрѣшенъ со строгою справедливостью и безпристрастностью для обѣихъ сторонъ, и притомъ такъ, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ враждебнымъ столкновеніямъ между двумя сословіями, — другими словами, чтобы въ мирномъ разрѣшеніи этого вопроса Россія нашла на долгое время застрахованіе отъ государственныхъ потрясеній.

2) „Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ крестьяне должны получить полную возможность на пріобрѣтеніе въ собственность достаточнаго для обезпеченія ихъ быта и осѣдлости количества земли, безъ чего улучшеніе крестьянскаго быта было бы только словомъ, а не дѣломъ.

3) „Однѣ усадьбы, особливо въ земледѣльческой Россіи, обезпеченія такого не представляютъ.

4) „Отдѣльный выкупъ усадьбы есть только полумѣра, не достигающая своей цѣли и опасная, потому что она можетъ раздражить: а) крестьянина, который не пойметъ, за что онъ платитъ, б) помѣщика, закрѣпивъ въ сердцѣ его владѣній чужой элементъ; между тѣмъ, какъ выдѣлъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ со всѣмъ ихъ надѣломъ окончательно устранитъ столкновенія двухъ расходящихся сословій.

5) „Обязательныя отношенія, въ особенности барщина, есть тоже крѣпостное право, только облеченное въ законныя формы, и потому еще болѣе для крестьянина невыносимое и несоотвѣтствующее благимъ намѣреніямъ Государя объ уничтоженіи крѣпостного состоянія и улучшеніи быта крестьянъ.

6) „Обязательныя отношенія вошли въ правительственную программу только какъ неизбѣжная переходная мѣра; но если бы нашимъ комиссіямъ удалось въ своемъ проектѣ сократить ее или даже совсѣмъ обойти, то улучшеніе быта тѣмъ самымъ было бы упрочено и на переходное время.

7) Подлежащая выкупу крестьянъ поземельная собственность должна состоять нераздѣльно изъ усадебъ и достаточнаго надѣла въ отдѣльномъ отъ остальной помѣщичьей земли участкѣ.

8) „Помѣщики должны быть вознаграждены за уступаемыя ими земли справедливо, по мѣрѣ возможности, безъ потерь и безъ разоренія.

9) „Ежегодная плата крестьянами какъ процентовъ, такъ и погашенія выкупнаго капитала, не должна никакъ превосходить цифры существующихъ среднихъ повинностей ихъ, иначе не было бы улучшенія ихъ быта.

10) „Чѣмъ скорѣе произойдетъ или, по крайней мѣрѣ, начнется выкупъ поземельной собственности, тѣмъ будетъ онъ выгоднѣе: а) для крестьянина, потому что цѣнность земель въ Россіи постоянно возрастаетъ, б) для помѣщика, потому что ему необходимъ капиталъ для хозяйственныхъ реформъ, неизбѣжныхъ при измѣненіи хозяйственнаго быта его имѣній.

11) „А потому, для ускоренія выкупа и для уравновѣшенія могущихъ прійти въ столкновеніе интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, правительство должно участвовать своимъ посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями въ процессѣ выкупа.

12) „Вопросъ о томъ, будетъ-ли выкупная земля находиться въ общинномъ или въ частномъ владѣніи крестьянъ —должно предоставить разрѣшенію исторіи, а не насиловать его правительственными мѣрами, тѣмъ болѣе, что административная и хозяйственная общины по существу своему совершенно различны".

Члены коммиссіи, выслушавъ эти предложенія, приняли ихъ единогласно и дѣйствительно положили въ основаніе созданной ихъ трудами крестьянской реформы.

Послѣ такихъ категорическихъ заявленій правительства о необходимости отпущенія крестьянъ на волю съ землею и съ предоставленіемъ имъ права выкупать надѣлы, лица, враждебныя реформѣ, употребили всѣ свои усилія преимущественно на то, чтобы по возможности ослабить ея значеніе путемъ организаціи серьезныхъ нападеній на частности, чтобы допустить частности въ реформѣ съ такими ограниченіями, при которыхъ отъ общихъ началъ осталась бы одна буква Много нужно было употребить трудовъ и усилій сторонникамъ реформы, чтобы спасти ее отъ крушенія въ борьбѣ противъ похода на нее со стороны крѣпостниковъ.

Лѣтомъ 1859 г. въ Петербургъ по Высочайшему повелѣнію были вызваны депутаты отъ губерн. комитетовъ „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть". Призывъ этихъ депутатовъ, чтобы не было и мысли о всероссійскомъ дворянскомъ съѣздѣ, раздѣленъ былъ на двѣ смѣны: депутаты 21 губерніи вызваны были въ Петербургъ въ концѣ августа, а представители прочихъ губерній должны были послѣдовать за ними нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже по оставленіи столицы членами перваго призыва. Разумѣется, дворянскіе депутаты остались крайне недовольны составленной для нихъ Милютинымъ инструкціей, которая, устраняя ихъ отъ дѣятельнаго участія въ трудахъ редакціонныхъ комиссій, сводила ихъ назначеніе къ обязанности давать письменныя разъясненія на предложенные имъ редакціонными комиссіями вопросы, а также словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссій. Недовольство депутатовъ, однако, не имѣло послѣдствій. Имъ разрѣшено было собираться въ совѣщанія, но съ тѣмъ, чтобы они не имѣли ничего оффиціальнаго, и чтобы сами депутаты отнюдь не касались общихъ началъ реформы, а ограничивались примѣненіемъ ихъ къ своимъ мѣстностямъ, и мнѣнія свои представляли *отдѣльно по каждой губерніи*, причемъ имъ было обѣщано, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе главнаго комитета по окончаніи работъ редакціонной комиссіи. Такимъ рѣшеніемъ правительство лишило само себя возможности такъ или иначе опредѣлить общія мѣры для поддержанія значенія дворянства, которое кореннымъ образомъ должно было измѣниться со введеніемъ крестьянской реформы; болѣе того, чисто бюрократическимъ размахомъ пера, дворянство лишилось именно въ это время, въ самый критическій моментъ своего существованія, ко вреду самихъ крестьянъ и безъ всякой пользы для государства, поземельнаго кредита для устройства хозяйства на новыхъ началахъ путемъ уничтоженія опекунскихъ совѣтовъ.

Коренное различіе въ точкахъ зрѣнія депутатовъ и редакціонныхъ комиссій, мало считавшихся съ проектами положеній, выработанныхъ губернскими комитетами, вызывало разномыслія и толки, о которыхъ самъ Ростовцевъ долженъ

былъ довести до свѣдѣнія государя въ особомъ замѣчательномъ докладѣ. „Главное противорѣчіе,—писалъ онъ,—состоитъ въ томъ, что существуютъ различныя точки исхода: у комиссій—государственная необходимость и государственное право, у депутатовъ—право гражданское и интересы частные. Они правы съ своей точки зрѣнія, мы—съ своей. Смотря съ точки гражданскаго права, вся зачатая реформа, отъ начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушеніе права частной собственности; но, какъ необходимость государственная, реформа эта законна, священна и необходима. Огромное большинство враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости, обвиняетъ и словесно и письменно редакціонныя комиссіи въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже и въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ „красными“. Желать обобрать дворянъ было бы мыслью безчестною и безцѣльною, тѣмъ болѣе, что $^{8}/_{10}$ изъ членовъ комиссій суть сами помѣщики, а нѣкоторые изъ нихъ и весьма богаты. Объ обвиненіи послѣднемъ не стоитъ и говорить: оно придумано людьми, которые желали бы, чтобы именно ихъ теоріи были приняты въ руководство комиссіями, и, видя иное, прибѣгли къ клеветѣ... Комиссіи желали отъ всей души уравновѣшивать интересы крестьянъ съ интересами помѣщиковъ. Если онѣ равновѣсія этого еще не достигли, если и есть дѣйствительно въ иныхъ правахъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ крестьянъ, то это происходитъ, конечно, ужъ не отъ того, чтобы комиссіи желали огорчить помѣщиковъ и чтобъ онѣ не уважали священныхъ ихъ правъ, а во-первыхъ оттого, что одна Минерва родилась прямо вооруженная, а главное оттого, что при особенно затруднительныхъ вопросахъ, какъ наклонить свои вѣсы, комиссіи наклоняли ихъ въ сторону крестьянъ, и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы потомъ отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ много охотниковъ и много силы, а наоборотъ — иначе, такъ что бытъ крестьянъ могъ бы не улучшиться, а ухудшиться“.

Редакціонныя комиссіи вынесли на себѣ всю работу по подготовкѣ крестьянской реформы: онѣ составили и систематически разработали всѣ документы, оставшіеся отъ прежнихъ комиссій по крестьянскому дѣлу, изучили обширную

литературу предмета, ознакомились съ многочисленными современными какъ печатными, такъ и рукописными записками объ освобожденіи крестьянъ, а равно съ обширной иностранной и русской литературой предмета. На основаніи всего изученнаго громаднаго матеріала, комиссіи, подробно обсуждая вопросъ за вопросомъ, составили свои проекты уложеній о крестьянахъ, примѣнительно къ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи, положеній о выкупѣ, о дворовыхъ и проч. Весь поистинѣ колоссальный трудъ комиссій могъ быть совершенъ въ краткій срокъ ихъ существованія (отъ 4 марта 1859 г. до 10 октября 1860 г.), исключительно благодаря неутомимымъ трудамъ и тому преданному усердію, какое большинствомъ членовъ комиссіи было внесено въ это дѣло.

Первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ своимъ сильнымъ авторитетомъ и полнымъ довѣріемъ къ нему Государя поддерживалъ избранныхъ имъ сотрудниковъ и ихъ работу. Но чрезмѣрный трудъ надломилъ его здоровье; уже совсѣмъ больной и на постели онъ весь отдавался работамъ комиссій, несмотря на запрещеніе врачей утомлять себя. Даже засѣданія происходили у ложа больного. Послѣднимъ его трудомъ была записка о ходѣ и исходѣ осуществленія реформы. Подписать ее онъ уже не могъ. 6 февраля 1861 г. онъ умеръ, но, теряя уже сознаніе, говорилъ онъ съ Государемъ, внушая ему вѣру въ удачу реформы. Его преждевременная смерть была общественнымъ бѣдствіемъ, грозила бѣдой тому дѣлу, за которое онъ положилъ жизнь свою. Предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій по смерти Ростовцева былъ назначенъ министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, но врагъ освобожденія. Александръ II требовалъ отъ Панина, чтобы онъ велъ все дѣло въ прежнемъ направленіи, но это требованіе могло быть исполняемо внѣшнимъ образомъ, и Панинъ оказалъ бы очень вредное вліяніе на окончательный результатъ работъ, если бы сплоченное и убѣжденное большинство редакціонныхъ комиссій не встрѣтило дружнымъ отпоромъ его стремленій. Въ этомъ была новая не малая заслуга комиссій.

Въ мартѣ 1860 г., по завершеніи разсмотрѣнія и разработки всѣхъ губернскихъ проектовъ, были вновь созваны

губернскіе депутаты. Отъ 27 апрѣля и до 8 мая шли съ ними переговоры, и снова многое въ окончательной обработкѣ проектовъ Положенія было передѣлано. Хотя графъ Панинъ и тормозилъ значительно дѣло, все-таки ему пришлось подъ конецъ подчиниться волѣ Государя, который его торопилъ, и 10 октября редакціонныя комиссіи закончили свои занятія и были закрыты, исполнивъ возложенную на нихъ задачу съ небольшимъ въ полтора года. За это время комиссіи успѣли закончить всѣ свои работы; не разсмотрѣннымъ остался докладъ финансоваго отдѣленія о выкупѣ, переданный прямо на разсмотрѣніе главнаго комитета. Труды комиссій были въ тотъ же день, 10 октября, внесены на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. По случаю тяжкой болѣзни кн. Орлова, въ главномъ комитетѣ предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, которому здѣсь и затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ крестьянское дѣло обязано горячей поддержкой проекта редакціонныхъ комиссій и проведеніемъ съ гораздо меньшими измѣненіями по существу, чѣмъ это можно было разсчитывать.

Главный комитетъ обсуждалъ представленные проекты въ 45 засѣданіяхъ. Кромѣ Великаго Князя, за проекты комиссій стояли только Ланской, гр. Блудовъ и Чевкинъ, но остальные шесть членовъ не сходились во многомъ между собою, такъ что часто мнѣніе четырехъ защитниковъ проекта составляло относительное большинство. При этомъ вовсе не подвергались обсужденію соображенія депутатовъ, а разрѣшались только основные вопросы, и принимался проектъ Положеній статья за статьей.

Послѣднее засѣданіе этого комитета, соединеннаго съ совѣтомъ министровъ, происходило 26 января 1861 г. подъ предсѣдательствомъ императора.

Замѣчательна была рѣчь, произнесенная Государемъ въ этомъ историческомъ засѣданіи. Благодаря большинство членовъ, подавшихъ свои голоса за проектъ „Положеній“, онъ нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ великаго князя Константина Николаевича. Затѣмъ Императоръ объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла полную свободу для всѣхъ и каждаго выразить свое мнѣніе, онъ уже не допуститъ никакихъ отмѣнъ, отлагательства и проволочекъ

и хочетъ, чтобы дѣло было кончено непременно къ 15 февраля. „Этого,—сказалъ онъ,—я желаю, требую и повелѣваю!“ Но важнѣе всего было его обращеніе къ министрамъ, изъ которыхъ нѣкоторые противодѣйствовали реформамъ. Императоръ поставилъ имъ на видъ,, что доселѣ они враждовали между собою, пререкаясь по крестьянскому дѣлу, а нѣкоторые даже противились его видамъ, и что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда его воля окончательно выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго согласія другъ съ другомъ, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній, внушительно прибавивъ: „вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть“.

Послѣ этого дѣло перешло въ государственный совѣтъ, который приступилъ къ разсмотрѣнію его 28 января 1861 года. Засѣданіе открылось обширной рѣчью Государя, изложившаго весь ходъ дѣла; здѣсь онъ заявилъ, что каждый воленъ при обсужденіи вопроса свободно высказывать свое мнѣніе, но предписалъ, чтобы дѣло было закончено государственнымъ совѣтомъ въ первую половину февраля, разъяснивъ, что, при измѣненіи частностей, основныя положенія должны оставаться безъ измѣненій. „Основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе не на словахъ, не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ“.

Внушительно было заключеніе рѣчи Государя, обращенное къ членамъ совѣта: „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я вправѣ требовать отъ васъ одного: чтобъ вы, отложивъ всѣ личныя интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ“.

Всѣхъ засѣданій государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу было четырнадцать, и дѣло было окончено 17 февраля. Пренія были горячія, даже бурныя. Предсѣдательствующій гр. Блудовъ не умѣлъ поддерживать порядокъ засѣданій. Но, соблюдая непремѣнную волю Государя, съ обсужденіемъ проекта Положеній торопились, На каждое засѣданіе былъ назначенъ урокъ, не покончивъ съ которымъ,

не прекращали засѣданія. Большинство въ государственномъ совѣтѣ оказывалось противъ предложеній главнаго комитета, основанныхъ на заключеніи редакціонной комиссіи; но за проектъ былъ Константинъ Николаевичъ, и Государь, которому представлялся отдѣльно журналъ каждаго совѣщанія, соглашался обыкновенно съ мнѣніемъ меньшинства членовъ.

По окончаніи работъ въ государственномъ совѣтѣ, всѣ положенія о крестьянахъ были утверждены Александромъ II 19-го февраля, и тогда же былъ имъ подписанъ Высочайшій манифестъ, возвѣщающій объ отмѣнѣ рабства въ Россіи, составленный Н. А. Милютинымъ и Ю. Ф. Самаринымъ, но измѣненный митрополитомъ Филаретомъ; 2 марта онъ былъ прочтенъ въ сенатѣ и *5 марта обнародованъ*.

Начала положенія 19 февраля были распространены въ 1863 году на удѣльныхъ и въ 1866 г. на бывшихъ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ. Первоначально въ отношеніи поземельнаго устройства были предложены для тѣхъ и другихъ очень большія урѣзки существовавшихъ ранѣе надѣловъ; однако и здѣсь до извѣстной степени борьба крѣпостниковъ противъ реформы не удалась, и въ концѣ концовъ рѣшено было для государственныхъ и для удѣльныхъ крестьянъ и послѣ освобожденія сохранить приблизительно ихъ прежніе надѣлы, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы они въ общемъ не превышали установленную норму (15 десятинъ въ многоземельныхъ и 8 десятинъ въ малоземельныхъ губерніяхъ); на лишнюю же противъ этихъ величинъ землю правительство рѣшило въ теченіи 3 лѣтъ переселить соотвѣтствующее число новоселовъ.

II

Въ содержаніи своемъ Положенія 19 февраля 1861 года распадаются на три основные отдѣла, (соотвѣтственно бывшему дѣленію редакціонныхъ комиссій), именно: административный, юридическій и хозяйственный отдѣлы.

Въ первомъ изъ нихъ—*административномъ*, Положенія устанавливаютъ и опредѣляютъ самоуправленіе въ средѣ освобожденныхъ крестьянъ, на узко-сословныхъ началахъ.

Иного выхода для редакторовъ положенія и не представлялось*).

Они опасались желанія землевладѣльческаго класса—помѣщиковъ—сохранить тѣми или иными косвенными способами свою власть надъ бывшими ихъ крѣпостными. Поэтому всѣ стремленія редакторовъ положеній были направлены въ этой области на то, чтобы сдѣлать крестьянъ независимыми отъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

„Трудно представить себѣ, замѣчаютъ въ этомъ отношеніи ред. комис., —общество крестьянъ, устроенное на началахъ самоуправленія, въ которомъ начальническое званіе и право вмѣшательства въ общественныя дѣла было бы оставлено за помѣщикомъ. Какое столкновеніе различныхъ несовмѣстныхъ одинъ съ другимъ интересовъ; какое колебаніе въ самобытности и жизни мірскихъ учрежденій, чисто зависящее отъ нрава помѣщика, отъ его болѣе или менѣе частаго пребыванія въ имѣніи и отъ неизбѣжнаго вліянія его на подчиненнаго ему старосту. И затѣмъ, какія же послѣдствія, какъ не безусловное преобладаніе одного сословія и стремленіе другого добыть права, которыхъ оно ожидаетъ, въ завершеніе началъ самоуправленія даруемыхъ ему нынѣшнимъ преобразованіемъ? Не будетъ ли это повтореніемъ большей части явленій истекающаго крѣпостного времени.

„На основаніи дѣйствующихъ законовъ всѣ свободныя сословія, не смотря на различіе правъ, предоставленныхъ имъ въ составѣ обществъ, пользуются полною другъ отъ друга независимостью. Всѣ они, отъ высшихъ до низшихъ, непо-

*) Какъ правильно отмѣтилъ проф. А. Д. Градовскій (Сочиненія т. VIII, стр. 568, 569), „все это при тогдашнихъ условіяхъ было очень, понятно: массу только что освобожденнаго крестьянства нельзя было бросить безъ призора среди сильныхъ еще крѣпостническихъ стремленій и преданій и въ условіяхъ мѣстной администаціи, нетронутой еще какимъ бы то ни было преобразованіемъ. Составители крестьянскаго „Положенія“ знали, что готовится проэктъ земскихъ учрежденій, что предполагаютъ преобразовать судебную часть; но увѣренности въ томъ что эти преобразованія осуществятся, они не имѣли. Они знали, что на мѣстахъ находится дворянство, еще живущее преданіями и инстинктами крѣпостного права, и хорошо были знакомы съ жалкимъ состояніемъ мѣстной администраціи. При такихъ условіяхъ, какъ могли иначе осуществить они свое завѣтное и святое желаніе сберечь мужика, только что освобожденнаго отъ вѣковаго рабства“.

средственно *тянутъ* (по выразительному юридическому термину нашего древняго законодательства) къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство русской земли и единство правящей ею верховной власти. Всѣ они подчиняются начальствамъ, или поставленнымъ надъ ними тою же властью, или избраннымъ ими самими (а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, общихъ для нѣсколькихъ сословій, коллегіальнымъ учрежденіямъ, составленнымъ на началѣ *общаго* сословнаго представительства). Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ, въ минуту реформы, крѣпостное сословіе, стоящее внѣ общаго закона и какъ бы заслоненное отъ правительства другимъ сословіемъ. Но теперь когда настала минута развязать узелъ крѣпостного права, нѣтъ основанія, по убѣжденію Редакціонныхъ Комиссій, отказывать помѣщичьимъ крестьянамъ въ томъ, что составляетъ принадлежность всѣхъ свободныхъ состояній, и нельзя, безъ нарушенія коренныхъ началъ нашего законодательства, отдавать одно новоосвобожденное сословіе подъ начальство другого" (*Скребицкій*, Крестьянское дѣло въ царствованіе Имп. Александра II 1862 г. т. I, стр. 629, 832).

Редакціонныя комиссіи вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не принять во вниманіе и того, что никакой другой мѣстной организаціи, на которую возможно было бы возложить заботливое попеченіе о крестьянахъ, въ то время не было. Приходилось выбирать между помѣщикомъ и полицейскими властями того времени, вліяніе и власть которыхъ на крестьянъ, если-бы таковыя были имъ предоставлены, едва ли оказались бы лучше стараго режима*)

Для Редакціонныхъ комиссій не было иного исхода, какъ организовать для крестьянъ самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ.

---

*) Даже иностранцы, наблюдавшіе нашу тогдашнюю бюрократію, съ ея исключительными полномочіями, при сравненіи ея съ ролью служилаго класса въ западно-европейскихъ странахъ, приходили къ самымъ оскорбительнымъ для насъ выводамъ. Одинъ извѣстный знатокъ нашей страны въ своихъ впечатлѣніяхъ о поѣздкѣ въ Россію говоритъ: „il existe en Russie une espèce du canaille, qui s'áppelle tchinovnik....

Внимательное изученіе историческаго матеріала положеній 19 февраля 1861 года однако даетъ изслѣдователю полное убѣжденіе въ томъ, что для редакторовъ положеній созданная ими узко сословная организація крестьянства представлялась мѣрой лишь временной, вынужденной съ одной стороны въ цѣляхъ устранить всякую личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ или печальной памяти дореформенной полиціи; съ другой стороны, за невозможностью и несвоевременностью еще тогда, благодаря остротѣ вопроса, создать всесословную организацію для лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ вообще, безъ отличія „пана отъ хама“.

Такъ уже главный комитетъ отмѣчалъ „необходимость имѣть въ виду, что со временемъ всѣ сельскія сословія должны слиться въ одно; почему при устройствѣ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, надобно образовывать общественныя единицы на основаніяхъ неизмѣнныхъ и истинныхъ, каковы: совмѣстность жительства, одинаковость хозяйственныхъ условій и топографическія удобства, и при томъ такія единицы, которыхъ не пришлось бы переламывать впослѣдствіи (Общій журналъ Главнаго Комитета по разсмотрѣнію проектовъ Редакціон. Коммисс. стр. 74).

Большинство членовъ государственнаго совѣта (30 изъ 45), тоже склоняясь къ сословной организаціи освобождаемаго крестьянства, указало, „что по составленному въ Главномъ Комитетѣ проэкту Общ. Полож. о кр., составъ волостей ограничивается только одними крестьянами, освобожденными отъ крѣпостной зависимости. Въ составъ волостей не входятъ ни сами помѣщики, ни земли, остающіяся въ непосредственномъ ихъ распоряженіи, ни лица постороннія, къ сословію крестьянъ помѣщичьихъ не принадлежащія; а потому помѣщики не будутъ и не могутъ находиться ни въ какомъ подчиненіи Волостного Управленія. Если же въ видахъ соблюденія территоріальнаго единства, включить въ составъ волостей всѣ помѣщичьи земли, и вслѣдствіе того подчинить самихъ помѣщиковъ волостнымъ попечителямъ, то такая зависимость будетъ для дворянства и тягостнымъ и непріятнымъ нововведеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе возбудитъ между помѣщиками и ропотъ, и жалобы, и неудовольствія. Когда установятся новыя отно-

шенія между владѣльцами и поселянами, когда сіи послѣдніе ознакомятся ближе съ потребностями и всѣми условіями новой жизни, когда, наконецъ, уничтожатся отдѣльныя вѣдомства, препятствующія нынѣ образованію единообразнаго управленія въ государствѣ, тогда удобнѣе будетъ приступить къ окончательному устройству волостей, сообразно мѣстнымъ и общимъ потребностямъ. Принимаемыя нынѣ мѣры не предрѣшаютъ ничего“....

Къ именному списку 30 лицъ, высказавшихъ это мнѣніе, Александръ II собственноручно приписалъ—„и Я“ (Арх. Госуд. Сов. дѣло Сов. и Гл. Ком. по кр. дѣлу № 7, представленная Его Величеству меморія Общ. Собр. Госуд. Сов. 28 Янв. 1861 г).

Что касается *основныхъ началъ* крестьянскаго самоуправленія, то онѣ выражены Редакціонными Комиссіями слѣдующимъ образомъ:

„1) Возможно большее устраненіе вліянія правительственной администраціи на мірскія дѣла и уничтоженіе всѣхъ лишнихъ инстанцій. Согласно принятому рѣшенію, новое сельское управленіе ограничивается единственною инстанціею волостного управленія, съ подчиненными ему представителями полицейской власти въ сельскихъ обществахъ.“

„2) Возможно большая степень независимости лицъ изъ крестьянскаго сословія, составляющихъ мѣстное управленіе, отъ вліянія сельскихъ канцелярій. Лучшимъ для этого средствомъ представляется, съ одной стороны, сокращеніе самаго канцелярскаго дѣлопроизводства, съ другой, положительное устраненіе того порядка, въ силу котораго писаря назначаются отъ высшаго начальства, какъ офиціальныя должностныя лица; вмѣсто этого долженъ быть введенъ вольный наемъ ихъ волостнымъ управленіемъ, съ правомъ отказа имъ въ дальнѣйшемъ отправленіи ихъ должностей“.

„3) Сосредоточеніе главной полицейской и исполнительной власти въ рукахъ того лица изъ крестьянъ, кому по выбору ввѣрено главное завѣдываніе волостью и личная отвѣтственность этого лица передъ правительствомъ, по дѣламъ волостного управленія и въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Этимъ устраняется возможность для начальствующаго въ волости лица укрываться отъ справедли-

ваго правительственнаго взысканія за собирательною, а потому и не вполнѣ дѣйствительною отвѣтственностію присутственнаго мѣста".

„4) Придача вмѣстѣ съ тѣмъ тому же самому лицу, въ видѣ постояннаго совѣщательнаго при немъ учрежденія, всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ непосредственнымъ управленіемъ отдѣльныхъ сельскихъ обществъ. Учрежденіе это, вполнѣ согласное съ нынѣ повсемѣстно въ той или другой формѣ существующимъ народнымъ обычаемъ, необходимо, съ одной стороны, для обузданія во многихъ случаяхъ произвола начальствующаго въ волости лица, съ другой, для подкрѣпленія его во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ необходимымъ совѣтомъ и нравственною опорою, необходимою имъ въ содѣйствіи представителей всѣхъ сельскихъ обществъ. Само собою разумѣется впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ немногихъ особенныхъ случаяхъ, которые исчисляются положеніемъ, должно быть допущено и въ этомъ учрежденіи рѣшеніе дѣла по большинству голосовъ".

„5) Установленіе въ той или иной формѣ, и при томъ въ законныхъ предѣлахъ, отвѣтственности передъ крестьянскимъ обществомъ какъ самого начальствующаго въ волости лица, такъ и всѣхъ лицъ, составляющихъ совѣщательное при немъ учрежденіе, и утвержденіе за крестьянскимъ обществомъ права приносить черезъ довѣренныхъ лицъ жалобы не только на волостное начальство, но даже и на мѣстныя полицейскія власти, тѣмъ порядкомъ, который будетъ на этотъ предметъ установленъ закономъ. Это право жаловаться законнымъ путемъ и въ законныхъ формахъ представляется единственнымъ способомъ къ устраненію не только злоупотребленій всѣхъ должностныхъ лицъ, но также и безсознательно, а иногда даже и неправильно, возникающаго въ самомъ народѣ неудовольствія на эти лица; ибо возбуждая добросовѣстную дѣятельность сельскихъ старостъ, къ совѣщанію призываемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ обезпечивая разумныя требованія самихъ крестьянъ, даруемое по слѣднимъ право законной жалобы искореняетъ самый поводъ къ безгласному и потому всегда крайне вредному распространенію глухого и затаеннаго ропота на начальство. Съ другой стороны, если донынѣ за крестьянами существо-

вало, хотя и неосвященное закономъ, но въ дѣйствительности почти признанное право жалобы на самого помѣщика, то казалось бы, не предстоитъ ни малѣйшей причины отмѣнять такое право въ настоящую минуту улучшенія крестьянскаго быта и при томъ въ отношеніи къ такого рода власти, которая, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будетъ равнодушнѣе прежняго помѣщика къ участи крестьянина„.

„6) Возможное, сообразно указаніямъ Высочайшаго повелѣнія отъ 25 марта 1859 г. отдѣленіе суда и независимость его отъ полицейской и административной власти, и распространеніе этого правила даже на тѣ случаи, когда административная власть сосредоточивается въ рукахъ лицъ, выбранныхъ самими крестьянами изъ своей собственной среды".

„7) Наконецъ, совершенное уничтоженіе всякихъ судебныхъ инстанцій въ предѣлахъ волостной крестьянской единицы. Поэтому волостной судъ долженъ быть въ предѣлахъ волости единственнымъ крестьянскимъ судебнымъ установленіемъ. Но ради большаго еще, по возможности, упрощенія всякаго дѣлопроизводства и ради устраненія необходимости для каждаго отдѣльнаго крестьянина искать себѣ безъ крайней нужды суда внѣ своей деревни, предполагается дозволить и помимо волостного суда всякаго рода безапелляціонное третейское разбирательство споровъ, или судъ по совѣсти между крестьянами, каждый разъ, когда обѣ тяжущіяся стороны предпочтутъ подобное разбирательство суду волостному и объявятъ, кому слѣдуетъ, единогласное желаніе прибѣгнуть къ оному". (*Скребицкій*—т. I, стр. 409—411).

Организовано же было крестьянское самоуправленіе по положеніямъ такимъ образомъ, что его низшими органами являлись сельскій сходъ и сельскій староста. Къ участію на сходѣ допускались однако не всѣ крестьне, а тѣ лишь изъ нихъ, которые являлись старшими домохозяевами, т. е. представителями семьи какъ единицы крестьянскаго землепользованія. Только отъ многотягольныхъ семей на сходѣ допускалось участіе и младшихъ домохозяевъ т. е. отцовъ въ сложной семьѣ (гл. обр. не раздѣлившихся женатыхъ братьевъ). Вѣдомству сельскаго схода подлежали всѣ дѣла, отно-

сящіяся до сельскаго общества, его хозяйственной жизни, назначенія ссудъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и другія воспомоществованія. Онъ вѣдаетъ назначеніе опекуновъ, разрѣшаетъ семейные раздѣлы. Сходъ же, въ области финансовъ, разверстываетъ между семьями своихъ членовъ не только мірскіе денежные сборы и натуральныя повинности, но и всѣ земскіе и государственные платежи.

Болѣе крупной единицей въ мірѣ крестьянскаго самоуправленія является *волость*, обнимающая нѣсколько сельскихъ обществъ.

Волостное управленіе было распредѣлено между 1) волостнымъ сходомъ, 2) волостнымъ старшиной и правленіемъ и 3) волостнымъ судомъ Волостной сходъ составляютъ сельскія и волостныя должностныя лица, а также выборные крестьяне по одному отъ 10 дворовъ. Волостной сходъ вѣдаетъ всѣ хозяйственныя и административныя дѣла цѣлой волости; онъ принимаетъ мѣры общественнаго призрѣнія, раскладываетъ мірскіе сборы, относящіеся до волости и т. д. Волостной старшина есть полицейскій органъ, подвѣдомственный государственнымъ полицейскимъ установленіямъ, и высшая исполнительная власть въ крестьянскомъ самоуправленіи. По нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся волости, старшина дѣйствуетъ не единолично а коллегіально, совмѣстно съ сельскими старостами, образующими, вмѣстѣ съ старшиной, волостное правленіе. Органомъ судебной власти въ крестьянскомъ самоуправленіи служитъ волостной судъ изъ судей крестьянъ, избираемыхъ на волостномъ сходѣ.

При разрѣшеніи вопроса о томъ, изъ кого должны состоять сельскіе и волостные сходы, ред. ком. исходили изъ тѣхъ же основныхъ началъ, которыя были ими приняты въ основаніе при устройствѣ крестьянскаго самоуправленія, а именно: „дарованіе сельскимъ обществамъ возможно полнаго и дѣйствительнаго самоуправленія общественнаго; возможно большее устраненіе вліянія администраціи на мірскія дѣла, и наконецъ, отвѣтственность всѣхъ избираемыхъ въ должности лицъ передъ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ“. По мнѣнію ред. ком. „эти начала прямо ведутъ къ заключенію, что каждому члену общества должно быть, по возможности, предоставлено прямое участіе въ такомъ собраніи, гдѣ обсужи-

ваются и рѣшаются всѣ дѣла, учреждающія и постоянно обновляющія общественное и хозяйственное управленіе крестьянъ, гдѣ происходитъ повѣрка дѣйствій лицъ, избираемыхъ въ общественныя должности и гдѣ всѣ постановленія такъ тѣсно связаны съ обезпеченіемъ и выгодами каждаго отдѣльнаго лица въ обществѣ. Допущеніе на *сельскіе* сходы однихъ выборныхъ (депутатовъ) отъ крестьянъ было бы противно приведеннымъ началамъ и едва-ли было бы удобно" (*Скребицкій*—кн. I стр. 432). „Что касается до *волостного* схода, предметы вѣдомства котораго составляютъ не столько интересы каждаго лица порознь, сколько согласованіе между собою выгодъ цѣлыхъ селеній или деревень, образующихъ волость, то ред. ком. сознавали, что составные элементы этого схода не могутъ не быть различны отъ элементовъ сельскаго схода. Точно такъ же, какъ въ этомъ послѣднемъ представляется необходимость для каждаго домохозяина высказывать и защищать свои личные интересы, точно также на волостномъ сходѣ необходимы лица, съ одной стороны, хорошо знакомыя съ потребностями цѣлой волости и составныхъ частей ея, а съ другой являющіяся самостоятельными защитниками интересовъ каждой деревни, обязанной удовлетворять общія волостныя потребности". Здѣсь было проведено ред, ком. начало *выборное*. (*Скребицкій*—кн. I стр. 435).

„Обращаясь къ *устройству крестьянскаго суда*, редакторы положеній считали прежде всего необходимымъ разрѣшить вопросъ о томъ, долженъ-ли волостной судъ быть исключительно ввѣренъ нѣсколькимъ лицамъ крестьянскаго сословія, постоянно отправляющимъ судейскую обязанность, или онъ долженъ, на томъ или иномъ основаніи, быть переданъ въ руки людей, не носящихъ характера сельскихъ чиновниковъ и находящихся въ непосредственной связи съ крестьянскимъ обществомъ. Надлежащее разрѣшеніе вопроса, такимъ образомъ поставленнаго, истекало изъ тѣхъ основныхъ началъ, которыя постоянно заявлялись редакціонными комиссіями; механическая простота учрежденія, искренность и правдивость такого суда, относительная близость его къ другимъ совершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства, совпаденіе его, въ главныхъ чертахъ, съ общеприня-

тымъ нынѣ народнымъ обычаемъ въ большей части оброчныхъ имѣній, наконецъ бблышая независимость его во всѣхъ возможныхъ случаяхъ отъ внѣшнихъ и административныхъ вліяній, всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, убѣдительно говорили въ пользу послѣдней формы" *(Скребицкій*—т. I, стр. 555,556).

„Съ цѣлью, по возможности, обезпечить суду крестьянскому независимость отъ всякаго внѣшняго вліянія, ред. ком. постановили (въ первый періодъ своихъ занятій), что „никто, даже и самъ волостной старшина и старосты, не долженъ вмѣшиваться въ его функціи и принимать въ немъ участіе; они даже не имѣютъ права присутствовать при обсужденіи дѣлъ и являются на мѣсто суда лишь по приглашенію его. Дѣло волостного старшины должно при этомъ исключительно состоять въ одномъ лишь предложеніи дѣлъ, какъ гражданскихъ такъ и судебно полицейскихъ на разсмотрѣніе очередныхъ выборныхъ и на доставленіе имъ тѣхъ по дѣлу свѣдѣній, которыя они признали для себя нужными и которыя ему и старостамъ доступны или извѣстны". (*Скребицкій* — т. I стр. 557)

„Что касается до суда въ *дѣлахъ гражданскихъ*, то Редакціонныя комиссіи признали „необходимость предоставленія крестьянскимъ волостнымъ судамъ болѣе широкаго простора и болѣе обширнаго круга дѣйствій, чѣмъ тотъ, который закономъ былъ указанъ тому же учрежденію въ государственныхъ имуществахъ. Ред. ком. признали при этомъ особенную важность сохраненія въ крестьянскомъ быту своего домашняго разбирательства, основаннаго на мѣстныхъ обычаяхъ, неизвѣстныхъ и недоступныхъ правильнымъ судебнымъ учрежденіямъ гражданскимъ. Въ этихъ видахъ принято было постановленіе, которымъ по спорамъ о наслѣдованіи предоставлено волостному крестьянскому суду рѣшать окончательно дѣла цѣною до 300 руб серебр. Считая эту цифру крайнимъ нижайшимъ предѣломъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пониженъ безъ явнаго вреда или правильнаго и скораго теченія крестьянскихъ дѣлъ, редакціонныя комиссіи положили и для всѣхъ прочихъ случаевъ судебнаго разбирательства остановиться на этой цифрѣ и признать, что волостной крестьянскій судъ

рѣшаетъ окончательно всякаго рода вообще споры по имуществу и обязательствамъ между крестьянами, на сумму, не превышающую 300 р. сер., съ согласія же обѣихъ тяжущихся сторонъ—на всякую сумму, именно, споры по наслѣдствамъ и завѣщаніямъ, и всѣ споры о правѣ собственности на недвижимыя и движимыя имущества, въ предѣлахъ волости находящіяся; или по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода договорамъ, сдѣлкамъ и обязательствамъ; а также спорныя дѣла о насильственномъ и самовольномъ завладѣніи и о вознагражденіи за убытки и ущербъ, имуществу причиненные. При этомъ ред. ком. признали необходимымъ изъять изъ вѣдомства вол. суда и предоставить рѣшенію общихъ судебныхъ мѣсть тѣ споры и на сумму ниже 300 руб. сер., въ которыхъ тяжущіеся основываютъ право собственности на крѣпостныхъ актахъ и письменныхъ документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ въ присутственныхъ мѣстахъ, или же явленныхъ у нотаріусовъ и маклеровъ". *(Скребицкій*—т. I стр. 569—571).

«Ред. комиссіи вообще не признавали возможнымъ допускать аппелляціи на рѣшенія волостныхъ судовъ на томъ основаніи, что суды эти будутъ разбирать только маловажныя, вытекающія изъ крестьянскаго быта, дѣла и руководствоваться при этомъ народными юридическими понятіями и мѣстными обычаями, неизвѣстными и недоступными судебнымъ учрежденіямъ гражданскимъ. *(Скребицкій*—т. I стр 581).

Составители положеній 19 фев. 1861 г. не придавали проэктированному ими волостному суду значенія постояннаго судебнаго по дѣламъ крестьянъ учрежденія, а имѣли въ виду устроить этотъ судъ лишь временно, впредь до преобразованія судебной части въ сельскихъ мѣстностяхъ вообще, для лицъ всѣхъ сословій, съ тѣмъ чтобы при соображеніи разрабатывавшейся въ то время судебной реформы съ указанными выше положеніями предложить для крестьянскихъ собственно дѣлъ, разрѣшаемыхъ на основаніи обычаевъ,—учрежденіе суда изъ выборныхъ отъ крестьянъ подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи. (Мат. Ред. Ком. 2 изд. т. II стр. 258, 259).

Такого, однако, согласованія положеній 19 февр. 1861 г. съ судебными Уставами 20 ноября 1864 года, не воспослѣ-

довало, а въ 1889 году при изданіи положеній 12 іюля должность мирового судьи была упразднена, и низшія изъ дѣлъ ,подвѣдомственныхъ этому судьѣ, были переданы волостному суду, съ преобразованіемъ его на основаніи особо изданныхъ правилъ, „временныхъ“ равнымъ образомъ по желанію редакторовъ этого закона.

Для исполненія Положеній о крестьянахъ и установленія связи сословнаго крестьянскаго самоуправленія съ общимъ государственнымъ строемъ управленія, а равно для ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній господъ къ ихъ бывшимъ крѣпостнымъ были созданы спеціальные органы администраціи, дѣлившейся въ порядкѣ іерархическомъ на три инстанціи. Это были, во первыхъ, мировые посредники, избираемые изъ потомственныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, они вѣдали всѣ поземельныя отношенія между помѣщиками и временно обязанными крестьянами и служили высшей инстанціей относительно крестьянскаго самоуправленія.

Второй инстанціей по отношенію къ мировымъ посредникамъ являлись уѣздные мировые съѣзды, въ составѣ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства Эти съѣзды вѣдали разборъ и разрѣшеніе жалобъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ, нѣкоторыя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами, не предоставленныя окончательному рѣшенію посредниковъ, а равно разсмотрѣніе жалобъ на приговоры волостныхъ сходовъ. Высшей мѣстной инстанціей въ этой области являлись губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, вѣдомству которые подлежали: жалобы на дѣйствія посредниковъ и съѣздовъ, дѣла по добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами и нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія.

Какъ видно изъ источниковъ положеній 1861 года, созданіе этихъ новыхъ административныхъ учрежденій для надзора за правильнымъ самоуправленіемъ вызвано было съ одной стороны, недовѣріемъ къ существующей бюрократической системѣ правленія, а съ другой—желаніемъ поддержать новыя начала крестьянскаго самоуправленія и намѣтить этапы общей административной реформы въ государствѣ.

Въ одномъ изъ докладовъ административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій по реформѣ 1861 года читаемъ мы въ этомъ отношеніи слѣдующее:

„Большинство членовъ перваго приглашенія, подвергая подробному разсмотрѣнію недостатки настоящей системы администраціи, находитъ, что они заключаются въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнью народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной безотвѣтственной исполнительной власти и въ совершенномъ отсутствіи самостоятельной судебной власти. По симъ кореннымъ недостаткамъ вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, которыя могутъ быть устранены только радикальной реформой управленія. Въ основаніе сей реформы должны быть, по мнѣнію всѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, постановлены: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и самоуправленіе общества... На сихъ главныхъ началахъ должно быть немедленно организовано новое управленіе; иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ".

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи составители положеній 19 февраля особенно настаивали на томъ, чтобы мѣстное управленіе было „общее, выборное для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, а утвержденіе въ должностяхъ должно зависѣть исключительно отъ правильности избранія, а не отъ произвола властей".

Юридическій отдѣлъ положеній посвященъ главнымъ образомъ нормировкѣ частно-правныхъ отношеній крестьянъ.

Здѣсь какъ изъ законодательнаго акта 19 февраля 1861 года такъ и изъ его источниковъ совершенно очевидно намѣреніе законодателя, одновременно съ дарованіемъ крѣпостнымъ крестьянамъ личной свободы и независимости отъ помѣщика, уравнять ихъ по возможности и въ остальныхъ, личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правахъ съ другими свободными классами населенія Россіи. Согласно тексту положеній въ этихъ цѣляхъ было отмѣнено разрѣшеніе помѣщика на вступленіе крестьянъ

въ браки, также отмѣнено и всякое вмѣшательство помѣщика въ семейственныя отношенія крестьянъ. За послѣдними законъ призналъ право какъ порознь, такъ равно цѣлыми обществами, заключать съ казною и съ частными лицами договоры и обязательства и брать подряды, заниматься торговлей и промыслами, устраивать фабрики и другія промышленныя заведенія. За крестьянами было признано право судебной защиты. Въ то же время помѣщикъ былъ лишенъ прежнихъ своихъ административныхъ и судебныхъ правомочій надъ крестьянами. Какъ свободные сельскіе обыватели крестьяне получили право участвовать въ мѣстномъ управленіи, переходить въ другія сословія, воспитывать дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и поступать на государственную службу по нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Наконецъ, въ области имущественной, законъ призналъ какъ за отдѣльными крестьянами, такъ равно и за цѣлыми обществами ихъ право пріобрѣтать и владѣть движимыми и недвижимыми имуществами повсемѣстно какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ.

Редакторы положеній, приступая къ опредѣленію личныхъ и имущественныхъ правъ, которыя должны были получить бывшіе крѣпостные, приняли прежде всего къ руководству Высочайшее повелѣніе 4 декабря 1858 года, которымъ было указано, что „при обнародованіи новаго Положенія крестьянамъ предоставляются права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя по имуществу и по праву жалобы". (Ст. 652 т. IX св. закон.) (Мат. Редакц. комиссіи изд. 2 А т. II, кн. I стр. 28 слѣд.) Равнымъ образомъ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу при разсмотрѣніи работъ редакціонныхъ комиссій было постановлено, „что главная цѣль, которую комитетъ постоянно долженъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи всѣхъ работъ редакціонныхъ комиссій,—это дарованіе прежде всего помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободнаго состоянія. (Архивъ Госуд. Совѣта. Дѣло Главн. Комитета № 42; всеподданѣйшая докладная записка Государств. Секретаря отъ 10 окт. 1860 г.).

Наконецъ въ Высочайш. Манифестѣ, послѣдовавшемъ при обнародованіи Положеній 19 февр. было указано, что „въ силу означенныхъ новыхъ положеній крѣпостные люди

получатъ въ свое время (т. е. съ окончаніемъ временно обязаннаго состоянія) полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей".

Стремленіе редакторовъ Положеній 19 февраля 1861 года уравнять освобождаемыхъ крестьянъ въ правахъ съ другими классами населенія потерпѣло однако серьезныя ограниченія въ отношеніи условій примѣненія дѣйствовавшихъ тогда (да и теперь тоже) законовъ гражданскихъ (т. X. ч. I св. законовъ).

Принципіально признавая необходимость примѣненія гражданскихъ законовъ, общихъ для всѣхъ классовъ населенія, и въ отношеніи къ освобождаемымъ крестьянамъ (Ср. напр. матеріалы Ред. Комиссіи изд. 2 т. II, кн. 1, стр. 28 слѣд.; 55 слѣд.), редакторы положеній совершенно основательно и согласно съ теоріей права признавали вспомогательное лишь при законѣ значеніе обычаевъ. „Нельзя не принять во вниманіе—разсуждаютъ въ этомъ отношеніи редакціонныя комиссіи, — „что обычаи не имѣютъ обязательной силы закона, а потому крестьяне могутъ ими руководствоваться по доброй волѣ, а не по принужденію, и что только тѣ обычаи могутъ быть терпимы въ государствѣ, которые не противорѣчатъ понятіямъ справедливости, нравственности и не нарушаютъ общественнаго порядка". (Мат. Ред. Ком. ч. XII, юрид. отд стр. 24).

Въ то же время ред. комиссіи находя, „что крестьяне въ своемъ домашнемъ быту преимущественно придерживаются обычаевъ, сознавали, что было бы неудобно и безполезно безусловно отрицать обычаи и противодѣйствовать крестьянамъ руководствоваться тѣмъ обычнымъ порядкомъ, который вслѣдствіе постояннаго примѣненія въ повседневномъ ихъ быту, получилъ юридическое значеніе въ народной жизни". Но съ другой стороны, „они находили, что нельзя безусловно сопоставлять обычное право съ дѣйствующими законами. Обычаи не имѣютъ, да и по своему свойству не могутъ имѣть, обязательной силы закона, а потому предоставленіе крестьянамъ права руководствоваться, по своему усмотрѣнію, обычаями и законами, открыло бы широкій просторъ произволу подчиняться или не подчиняться дѣйствію положительныхъ и для всѣхъ членовъ государства

обязательныхъ законовъ". *(Скребицкій*—Крестьянское дѣло въ Царствованіе Имп. Александра II 1862 г. т. I стр. 21—22).

Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи признавали, что „законы предназначаемые для лицъ крестьянскаго сословія, не должны безусловно стѣснять и противодѣйствовать ихъ мѣстнымъ обычаямъ, получившимъ въ ихъ быту юридическое значеніе вслѣдствіе постояннаго и продолжительнаго примѣненія. Въ противномъ случаѣ право писанное, вслѣдствіе несогласія съ народною жизнью, останется на практикѣ безъ примѣненія". *(Скребицкій*—cit. т. I стр. 28).

Стремленіе редакторовъ положеній 19 февраля провести на практикѣ эти теоретическія соображенія о роли закона и обычая въ крестьянскомъ быту встрѣтилось съ весьма серьезными препятствіями, главнымъ образомъ благодаря своеобразнымъ свойствамъ т. X, ч. I св. законовъ.

Дѣло въ томъ, что наши гражданскіе законы, помѣщенные въ т, X ч. I свода законовъ, созданы были въ самомъ расцвѣтѣ крѣпостного права, когда крестьянинъ не считался человѣкомъ, а скорѣе приравнивался къ вещи, которую можно было купить, продать, мѣнять, даже уничтожать, по прихоти господина. Весь внутренній укладъ крестьянской жизни, всѣ внутреннія отношенія въ этой средѣ, ея нравы и обычаи оставались совершенно забытыми закономъ, который считалъ излишнимъ заниматься жизнью „подлаго" народа. Мало того, благодаря т. X, ч. I свода законовъ, въ крѣпостное время все населеніе Россіи рѣзко дѣлилось на двѣ группы: на лицъ, жившихъ „внѣ закона"—крестьянство, и на тѣ классы остального населенія — дворянъ, и „разночинцевъ", бытовыя отношенія которыхъ подчинялись дѣйствію существующихъ законовъ гражданскихъ.

Именно этимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ правилъ т. X, ч. I св. закон. условіямъ крестьянской жизни и слѣдуетъ объяснить, почему, приступая къ освобожденію крестьянъ, составители Положеній 19 февраля 1861 года, озабоченные благоустройствомъ новыхъ гражданъ Россійской имперіи, не рѣшились распространить на нихъ въ области ихъ взаимныхъ отношеній, дѣйствіе статаей т. X, ч. I св. закон. in pleno. Какъ мы указывали выше, составители Положеній желали объединить всѣхъ гражданъ подъ дѣйствіемъ од-

нихъ общихъ гражданскихъ законовъ; но они сами сознавали, что законы эти (дѣйствующіе у насъ и до сихъ поръ) были во многомъ слишкомъ далеки и чужды крестьянской жизни. Потому-то составители Положеній 19 февр. 1861 года рѣшились допустить въ крестьянскомъ быту примѣненіе лишь тѣхъ нормъ т. X ч. I св. законовъ, практичность которыхъ безспорно не повлекла бы за собою никакихъ шероховатостей и неудобствъ для народа въ его повседневной жизни, и сочли за лучшее предоставить во всѣхъ остальныхъ случаяхъ крестьянамъ руководиться не нормами т. X, ч. I св. законовъ, а существующими у нихъ, въ данной мѣстности обычаями. Разсматривая въ этомъ отношеніи вопросъ о правахъ семейственныхъ крестьянъ, редакціонныя комиссіи проэктировали установить въ создаваемыхъ ими Положеніяхъ, что «на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ". Законопроэктъ этотъ свой они мотивировали тѣмъ соображеніемъ, что „дѣлать въ сихъ общихъ узаконеніяхъ какія-либо измѣненія, исправленія и дополненія въ отношеніи однихъ только крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, едва-ли удобно. Весьма трудно установить для крестьянъ исключительныя подробныя правила, которыми бы опредѣлялись взаимныя права и обязанности родителей и дѣтей. Всякая попытка по сему предмету едвали принесла бы пользу. По убѣжденію ред. ком. законодательство всемѣрно не должно ослаблять, а поддерживать патріархальную подчиненность дѣтей родительской власти, которая составляетъ одно изъ главныхъ основаній порядка гражданскихъ обществъ". (*Скребицкій*—т. I стр. 26).

Въ отношеніи опеки ред. ком. проэктировано было правиломъ, что „попеченіе о личности и имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ, крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями; но если-бы въ распоряженіяхъ міра родственники малолѣтняго усмотрѣли что-либо клонящееся къ его ушербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ мирового посредника".

По поводу этихъ правилъ ред. комиссіи замѣчаютъ, что постановляя означенныя опекунскія правила для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, онѣ „нисколько не предполагали тѣмъ препятствовать крестьянамъ руководствоваться своимъ мѣстнымъ обычнымъ опекунскимъ порядкомъ въ томъ случаѣ, само собою разумѣется, когда сей порядокъ ограждаетъ личныя и имущественныя права неполноправныхъ лицъ крестьянскаго общества. Но едвали можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, вовсе не слѣдуетъ установлять опекунскихъ правилъ. Обычный опекунскій порядокъ существуетъ не повсемѣстно между крестьянами, такъ какъ часто сами владѣльцы распоряжаются призрѣніемъ и обезпеченіемъ участи осиротѣвшихъ ихъ крестьянъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ крестьяне, не имѣя для своего руководства правилъ, должны были бы сами создавать обычный порядокъ. При этомъ нельзя не принять во вниманіе: во 1-хъ, что обычаи не имѣютъ обязательной силы закона, а потому крестьяне могутъ ими руководствоваться по доброй волѣ, а не по принужденію, и во 2-хъ, что только тѣ обычаи могутъ быть терпимы въ государствѣ, которые не противорѣчатъ понятіямъ справедливости, нравственности и не нарушаютъ общественнаго порядка. Руководствуясь этими соображеніями, редакціонныя комиссіи, примѣняясь къ порядку, установленному дѣйствующими законами для государственныхъ крестьянъ, постановили общія немногосложныя правила, которыя, не стѣсняя крестьянъ въ ихъ мѣстныхъ обычаяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить, въ возможной мѣрѣ, къ огражденію интересовъ неполноправныхъ лицъ крестьянскаго сословія Предположенныя комиссіями опекунскія правила, могутъ, конечно, оказаться на практикѣ недостаточными, но во всякомъ случаѣ исправленіе и дополненіе ихъ, если въ томъ предстоять будетъ надобность, надлежитъ отложить до того времени, когда окрѣпнетъ вновь установляемое общественное управленіе крестьянъ и когда собраны будутъ свѣдѣнія о существующихъ между крестьянами мѣстныхъ обычаяхъ. Только тогда, но не прежде, могутъ быть начертаны полныя и окончательныя для крестьянъ опекунскія правила, которыя

ограждая интересы неполноправныхъ лицъ ихъ сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ и въ противорѣчіи съ народною жизнью, выражающеюся въ обычаяхъ" *(Скребицкій*—т. I, стр. 28—29).

Касательно нормировки отношеній крестьянъ *по имуществу* ред. комиссіями были высказаны слѣдующія соображенія: по мнѣнію ред. комиссій на освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ должны быть, на основаніи журнала Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу 4 декабря 1858 года, распространены законоположенія, нормирующія права по имуществу, принадлежащія свободнымъ сельскимъ обывателямъ. А именно: „Каждому такому сельскому обывателю дозволяется пріобрѣтать въ собственность и отчуждать всѣми законными способами, кромѣ движимыхъ имуществъ 1) ненаселенныя земли; 2) дома въ городахъ и селеніяхъ (т. IX, ст. 653). Въ отношеніи къ пріобрѣтеннымъ сельскими обывателями ненаселеннымъ землямъ, право собственности ихъ распространяется какъ на поверхность земли, такъ и на все, внутри оной находящееся (т. IX, ст. 654; т. X, ст. 424). Въ отношеніи къ постройкѣ и покупкѣ домовъ въ городахъ для сельскихъ обывателей постановлены особыя правила (въ ст. 657 т, IX), на основаніи коихъ они могутъ строить и покупать дома въ городахъ".

„Далѣе въ сводѣ законовъ исчисляются права, которыя истекаютъ изъ права собственности. Въ этомъ отношеніи лица, принадлежащія къ сельскому свободному сословію, какъ и городскіе обыватели (на основаніи 550 ст. т. IX, и ст. 2 т. X, ч. 2), не могутъ быть, съ одной стороны, лишены своего имущества безъ суда, а съ другой стороны, имъ предоставляется имущества свои продавать, дарить, завѣщать, отдавать въ приданое и на прожитокъ, и вообще пользоваться и распоряжаться своимъ имущесвтомъ въ предѣлахъ, установленныхъ законами". *(Скребицкій* — т. I, стр. 40—41). *).

*) Ростовцевъ въ письмахъ, писанныхъ Государю изъ за границы полагалъ, въ отношеніи обязанностей крестьянъ по имуществамъ, что если крестьянинъ есть хозяинъ, то обязанности его заключаются въ соблюденіи семейныхъ интересовъ и безлицепріятномъ распоряженіи трудомъ членовъ; если же онъ членъ семейства—то въ признаніи своего труда достояніемъ семейнымъ". *Скребицкій*—т. I, стр. 32 прим.

Относительно вопроса о нормировкѣ крестьянскихъ *наслѣдственныхъ* отношеній, редакціонными комиссіями было отмѣчено, что „если при составленіи положенія объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ не установить никакихъ особыхъ правилъ о наслѣдованіи, кромѣ уже существующихъ для всѣхъ свободныхъ сословій, то результаты будутъ, вѣроятно, тѣ же, какіе замѣчаются у государственныхъ крестьянъ, т. е. крестьяне будутъ дѣлить наслѣдства по обычаямъ и довольствоваться въ рѣшеніи споровъ по сему предмету приговорами своихъ расправъ или сходовъ. Но съ другой стороны, дабы узаконить уже существующій фактъ и не поставить въ затрудненія судебныя мѣста, при разборѣ споровъ о наслѣдствѣ между крестьянами, желательно было бы установить на сей предметъ положительное правило. При этомъ необходимо было имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство: если особымъ постановленіемъ будетъ дозволено крестьянамъ руководствоваться при раздѣлахъ наслѣдства существующими въ каждой мѣстности обычаями, то необходимо будетъ и споры, возникающіе по наслѣдству, рѣшать на основаніи сихъ обычаевъ. Но отъ общихъ судебныхъ мѣстъ нельзя требовать, чтобы они въ постановленіяхъ своихъ руководствовались обычаями: обычаи не приведены у насъ въ извѣстность, они различны въ мѣстностяхъ, а изслѣдованіе ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ, при каждомъ процессѣ, было бы не только обременительно для судовъ, но часто даже невозможно, и повело бы къ произволу и медленности въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Изъ этого вытекала необходимость предоставить окончательное рѣшеніе споровъ по наслѣдствамъ въ крестьянскомъ имуществѣ мѣстнымъ крестьянскимъ судамъ (волостнымъ судамъ), которые будутъ руководствоваться мѣстными обычаями. Но съ другой стороны нельзя постановить такого правила безъ ограниченія. Когда дѣло идетъ о наслѣдствѣ, не превосходящемъ въ цѣнности своей обыкновеннаго крестьянскаго имущества, волостной судъ вполнѣ примѣнимъ и рѣшенія его могутъ быть признаны окончательными; но было-бы неудобно довѣрять ему окончательные приговоры въ болѣе цѣнныхъ имуществахъ, какъ напр., фабрикахъ, заводахъ, домахъ, капиталахъ, товарахъ и т. п. Это значило-бы предо-

ставить крестьянскому суду власть рѣшать по своему произволу, не стѣсняясь никакими законными формальностями и безъ всякой отвѣтственности, споры по всѣмъ вообще крестьянскимъ имуществамъ, какъ-бы ни велика была ихъ цѣнность, и такимъ образомъ лишить крестьянъ законной защиты противъ неправильныхъ рѣшеній. Дѣйствующіе законы предоставляютъ всѣмъ, въ установленныхъ предѣлахъ, приносить жалобы на низшія судебныя мѣста высшимъ, и чѣмъ цѣннѣе имущества, по которому производится тяжба, тѣмъ болѣе дается способовъ къ защитѣ правъ тяжущихся. На уѣздный судъ можно жаловаться гражданской палатѣ, если цѣна иска превышаетъ 30 р., а на гражданскую палату—сенату, если цѣна иска выше 600 р. (т. X, ч. 2 ст. 500 и 555). Но жалобъ на рѣшенія крестьянскихъ судовъ въ обыкновенныя судебныя мѣста нельзя допустить потому, что, какъ объяснено выше, эти суды руководствуются обычаями, а судебныя мѣста—законами. За тѣмъ оставалось только ограничить крестьянскіе суды изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія болѣе цѣнныхъ имуществъ. Эта мѣра необходима даже и въ видахъ охраненія нравственности крестьянскихъ судовъ; она избавитъ ихъ отъ соблазновъ, сопряженныхъ съ безотвѣтственнымъ и безотчетнымъ рѣшеніемъ споровъ на значительныя суммы. Съ перваго взгляда казалось наиболѣе удобнымъ предоставить крестьянскимъ судамъ рѣшеніе споровъ по наслѣдствамъ собственно въ крестьянскихъ имуществахъ, признавая такимъ имуществомъ земельные участки крестьянъ, жилыя и хозяйственныя строенія, рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и хозяйственныя принадлежности, домашнюю утварь, запасы продовольствія и проч. Но подобнымъ опредѣленіемъ нельзя было обозначить точно крестьянское имущество, и при томъ въ однихъ случаяхъ цѣнность его выйдетъ ничтожная, въ другихъ же весьма значительная. Крестьянскій земельный участокъ, составляющій личную его собственность, можетъ заключать въ себѣ нѣсколько сотъ десятинъ; у крестьянина могутъ быть гурты скота, стада овецъ, значительный запасъ хлѣба, большія заведенія для крестьянскихъ промысловъ и т. п. Поэтому въ настоящемъ случаѣ гораздо удобнѣе было опредѣлить не составъ крестьянскаго имущества, а цѣнность его,

и постановить, что рѣшенія крестьянскихъ судовъ должны быть признаваемы окончательными по спорамъ о наслѣдствахъ въ имуществахъ, не превышающихъ этой цѣнности. Ред. ком. полагали принять эту цѣнность на первое время въ 300 руб., не воспрещая впрочемъ крестьянамъ, по собственному желанію, отдавать на окончательное рѣшеніе крестьянскихъ судовъ и споры, предметъ коихъ превышаетъ эту сумму, съ тѣмъ, чтобы на такія рѣшенія не было дозволено приносить жалобы въ общія судебныя мѣста".

„Изложенное выше относится къ порядку разбора споровъ, о наслѣдствѣ. Этотъ порядокъ слѣдовало-бы, по мнѣнію ихъ, примѣнить ко всѣмъ вообще спорамъ крестьянъ по имуществамъ. (*Скребицкій*—т. I, стр. 44—46).

Наиболѣе обширная область примѣненія правилъ т. X. ч I св. законовъ въ крестьянскомъ быту была допущена редакторами Положеній 19 февраля въ *области договоровъ и обязательствъ.*

Здѣсь ред. комиссіи высказали, что „крестьянамъ, какъ отдѣльно такъ и въ составѣ обществъ, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, надлежитъ (по силѣ журнала Главнаго комитета 4 декабря 1858 года), предоставить по заключенію договоровъ и обязательствъ всѣ тѣ права, коими пользуются по дѣйствующимъ законамъ лица, принадлежащія къ свободному сельскому сословію".

„Начало это редакціонныя комиссіи признали необходимымъ принять въ руководство при начертаніи правъ крестьянъ по заключенію договоровъ и обязательствъ послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Ред. комиссіи выражали убѣжденіе, что надлежитъ только въ немногихъ, опредѣленныхъ случаяхъ, и то по крайней необходимости, ограничивать права крестьянъ по заключенію договоровъ и обязательствъ. Всякое излишнее въ семъ случаѣ стѣсненіе правъ крестьянъ, даже состоящихъ на барщинѣ, было бы несовмѣстно съ представляемыми имъ правами лицъ свободныхъ сельскихъ сословій и съ самою цѣлью освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Главная цѣль правительства, при освобожденіи крестьянъ, состоитъ въ улучшеніи ихъ быта и въ предоставленіи имъ способовъ къ пріобрѣтенію поземельной собственности. Всякое же

стѣсненіе правъ крестьянъ по вступленію въ договоры и обязательства будетъ препятствіемъ къ достиженію предположенной правительствомъ цѣли". (*Скребицкій*—т. I, стр. 60—61).

Въ конечномъ результатѣ такое колебаніе редакторовъ Положеній по вопросу о пространствѣ и условіяхъ примѣненія обычаевъ въ крестьянскомъ юридическомъ быту отразилось и въ текстѣ самихъ Положеній 19 февраля 1861 года.

Признавъ здѣсь, именно въ области наслѣдственнаго права и въ семейственномъ — въ отдѣлѣ объ опекѣ—что „крестьянамъ дозволяется руководствоваться своими обычаями" (ср. ст. 21 — 38 общ. пол. о кр. 1-е изданіе; см. еще Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II, кн. I стр. 55), редакторы положеній, вмѣстѣ съ тѣмъ однако, въ ст. 107 общ. пол. о кр. помѣстили правило, по которому „если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ (волостной) рѣшитъ дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ вол. правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту".

Здѣсь, въ статьѣ этой, ipsissimis verbis подтверждается уже прямо, что волостной судъ по *всѣмъ* дѣламъ имъ разбираемымъ, вправѣ руководствоваться только обычаями!.. Причина такого дозволенія неожиданно обширнаго примѣненія обычаевъ въ крестьянскомъ быту могла быть еще и въ томъ, что редакціонныя комиссіи, при обсужденіи вопроса о предметѣ вѣдомствъ и организаціи волостного суда, признавали его наиболѣе пригоднымъ къ практикѣ обычнаго права какъ „не носящій характера сельскихъ чиновниковъ и находящійся въ непосредственной связи съ крестьянскимъ обществомъ", благодаря близости „къ другимъ совершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства, независимо отъ внѣшнихъ и административныхъ вліяній, механической его простотѣ, искренности и правдивости". Всѣ эти соображенія и явились для редакторовъ въ конечномъ результатѣ вполнѣ достаточными основаніями для предоставленія вол. суду права разбирать и рѣшать по обычаямъ *всѣ вообще* дѣла цѣною иска до 300 рублей (Мат. Ред. Ком. изд. 2, кн. 1, стр. 58—62; II, кн. 2 стр. 250—255).

Основнымъ и наиболѣе важнымъ вопросомъ въ области устройства *хозяйственнаго быта* освобождаемыхъ крестьянъ, являлось установленіе отношеній крестьянина къ землѣ, которой онъ пользовался ранѣе, какъ крѣпостной.

Дать поселянину личную свободу безъ признанія за нимъ права на землю значило поставить помѣщика въ лучшія условія, а крестьянъ въ худшія, чѣмъ до отмѣны крѣпостного права. Пустить 20 милліоновъ крестьянъ на всѣ четыре стороны безъ земли—значило бы снять съ помѣщика тѣ обязанности по прокормленію крестьянъ, которыя лежали на немъ ранѣе, и поставить его лицомъ къ лицу съ сельскимъ вольнонаемнымъ рабочимъ, рабочимъ безземельнымъ, который, заключая „свободный“ договоръ съ землевладѣльцемъ, долженъ былъ бы, въ силу своей необезпеченности, принять все, что нанимателю будетъ угодно ему дать; это значило бы создать множество дешевыхъ рукъ въ сельскохозяйственной промышленности.

Весь центръ тяжести реформы лежалъ въ установленіи отношеній лично свободнаго крестьянина къ землѣ, которой онъ раньше пользовался, какъ крѣпостной. И дѣйствительно, вопросъ о правѣ собственности помѣщиковъ на землю сдѣлался предметомъ страстныхъ обсужденій въ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій. Большая часть членовъ, приглашенныхъ туда отъ губернскихъ комитетовъ, истощала свое краснорѣчіе, доказывая, что помѣщики должны сохранить право полной собственности на землю *).

*) Наиболѣе яркимъ выразителемъ стремленій большинства лицъ, враждебныхъ реформѣ, явился князь Гагаринъ въ своемъ полномъ софизмовъ мнѣніи, высказанномъ имъ въ комиссіяхъ. Дворянство,— говорилъ онъ здѣсь,—доказало свое безкорыстіе, свою готовность служить благу страны единогласнымъ отказомъ отъ права на личность крѣпостного. Пока высшая власть требовала только этого, до тѣхъ поръ она дѣйствовала во имя добра и справедливости. Но согласіе дворянъ не идетъ дальше этого; дворяне требуютъ признанія за собою исключительнаго права собственности на землю; законъ изстари охраняетъ это право, а потому онъ не долженъ, вопреки согласію всѣхъ, принимать на себя иниціативу его упраздненія. Редакціонныя комиссіи хотятъ измѣнить это право, а законъ охраняетъ его. Неужели комиссіи стоятъ выше закона? Споліаціи помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ—вотъ чего требуютъ редакціонныя комиссіи!—вос-

Редакціонныя комиссіи спокойно выслушивали эти витіеватыя фразы и слѣдовали плану, начертанному державной волей. Сознаніе правительства о необходимости надѣлить освобожденныхъ крестьянъ землею было такъ глубоко, что всѣ усиліл противниковъ оказались тщетными. Когда это сдѣлалось очевиднымъ, стрѣлы крѣпостниковъ направились на возможное урѣзаніе крестьянскаго надѣла. Большинство стояло за то, чтобы отвести крестьянамъ въ надѣлъ меньшую площадь земли, чѣмъ та, которой они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Одни мотивировали свое предложеніе невозможностью для помѣщика вести хозяйство при надѣленіи крестьянъ большими участками; другіе, прикрывая эти побужденія, выставляли на показъ свои доброжелательныя чувства: будетъ у крестьянъ много земли,—говорили они—и исчезнутъ всѣ мотивы къ усовершенствованію хозяйства. У крестьянина мало капитала; дать ему много земли значитъ заставить его разбрасывать капиталъ по слишкомъ большой площади и собирать только скудные урожаи. Иные приводили факты значительнаго благосостоянія крестьянъ при маломъ земельномъ надѣлѣ и т. д. Наконецъ, возражали, что сохраненіе существующихъ надѣловъ было бы, во первыхъ, несправедливостью въ отношеніи къ щедрымъ помѣщикамъ, донынѣ предоставлявшимъ крестьянамъ большіе, несоразмѣрные къ повинностямъ надѣлы; во-вторыхъ,безнравственнымъ награжденіемъ тѣхъ владѣльцевъ, которые заблаговременно и нерѣдко чрезмѣрно сократили крестьянское землепользованіе. Это побудило комиссіи установить максимумъ и минимумъ надѣловъ для каждой данной мѣстности. Жаркіе споры возбудили также рѣшенія комиссій по вопросамъ о выкупѣ полевыхъ угодій. Рѣшенія эти, какъ откровенно объяснилъ Ростовцевъ государю, комиссія постановила, наклоняя вѣсы въ пользу крестьянъ, именно

клицаетъ князь. „Между тѣмъ право собственности не можетъ и не должно быть при томъ потрясаемо: оно есть высшее право; оно не создано государствомъ, а предшествовало ему; оно есть родовое начало въ жизни народа; государство и законъ, призванные къ его охраненію, не могутъ располагать добромъ, имъ ввѣреннымъ“. Отмѣна этого права, по предсказанію князя, должна повлечь за собою всеобщія смуты и лишить власть ея жизненной силы.

въ предвидѣніи, что по окончаніи работъ комиссій въ главномъ комитетѣ найдется много охотниковъ и силъ наклонять ихъ въ пользу помѣщиковъ.

Несмотря на всю оппозицію въ этомъ отношеніи, редакціонныя комиссіи рѣшили оставить крестьянамъ существующіе надѣлы, если только они не оказались слишкомъ малы или слишкомъ велики. Къ слишкомъ малымъ надѣламъ предполагалось сдѣлать прирѣзку, слишкомъ большіе —убавить. Что считать за слишкомъ большой или слишкомъ малый надѣлъ, комиссіи опредѣлили отдѣльно. Именно для этой цѣли вся Россія была раздѣлена ими на три полосы— черноземную, нечерноземную и степную; каждая изъ этихъ полосъ дробилась въ свою очередь на нѣсколько мѣстностей, и для каждой мѣстности былъ указанъ особый maximum и minimum подлежащихъ сохраненію существующихъ надѣловъ.

Какъ читаемъ мы по этому поводу въ „объясненіяхъ" редакціонныхъ комиссій, „мысль искусственнаго сокращенія крестьянскихъ надѣловъ не только не раздѣлялась редакціонными комиссіями, но онѣ еще полагали, что осуществленіе этой мысли противорѣчило бы здраво понятымъ экономическимъ интересамъ всей страны и всѣхъ сословій и не могло бы не быть сопряжено съ значительными опасностями для будущаго развитія общественной жизни. Какъ бы ни были основательны надежды на будущее экономическое развитіе, но трудно, или, лучше сказать, невозможно приносить въ жертву настоящее вѣрное поземельное обезпеченіе огромнаго населенія въ 23 милліона людей одному расчету на будущее улучшеніе его средствъ къ жизни, вслѣдствіе развитія промышленной дѣятельности и вольнаго труда. Еще труднѣе полагать, чтобы такое правильное и безболѣзненное развитіе не иначе могло быть подготовлено, какъ посредствомъ предварительнаго сокращенія всѣхъ вещественныхъ средствъ рабочаго класса, даже посредствомъ положительнаго отобранія у него земли, т. е. изъятія изъ его рукъ значительной доли самаго обычнаго и самаго любимаго имъ орудія производства. Трудно думать, чтобы мгновенный, ничѣмъ не подготовленный переломъ въ образѣ обычнаго пользованія землею, который при томъ предполагается со-

вершить насильственно въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, могъ послужить къ прочному и правильному водворенію народнаго благосостоянія и быть необходимымъ условіемъ экономическаго развитія. Подобныя умозрѣнія едва ли было бы благоразумно осуществить на опытѣ въ дѣйствительной жизни".

Допустимость отобранія отъ крестьянъ части ихъ фактическаго надѣла и присоединенія ихъ къ землямъ, остающимся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика, ограничена была Я. И. Ростовцевымъ въ его предсмертной запискѣ отъ 6-го февраля 1860 г. на имя государя, тѣми лишь случаями, когда „крестьяне, по щедрости или беззаботности помѣщиковъ, надѣлены такимъ избыткомъ земли, что даже не могутъ извлечь изъ него истинной пользы".

Опредѣляя размѣръ крестьянскаго надѣла, редакціонныя комиссіи должны были бороться вмѣстѣ съ тѣмъ съ стремленіемъ очень многихъ губернскихъ совѣщаній и депутатовъ перваго и второго призывовъ—провести принципъ обязательнаго вознагражденія казной помѣщиковъ за стоимость *личности* отпускаемыхъ на волю крестьянъ, а равно получить возможно болѣе высокое вознагражденіе за уступаемыя крестьянамъ земли. При этомъ вознагражденіе за личность освобождаемыхъ крѣпостныхъ противники реформы предусмотрительно прикрывали требованіемъ чрезмѣрно высокой суммы выкупа за крестьянскія усадебныя земли.

Въ этомъ отношеніи комиссіи рѣшили прежде всего слить выкупъ усадебъ и полевыхъ угодій; но, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно большую стоимость усадебной земли сравнительно съ полевымъ надѣломъ, редакціонныя комиссіи назначили повышенныя цѣны выкупа за первую десятину надѣла, въ которую должна была войти и усадебная осѣдлость.

При установленіи размѣра надѣла были приняты, кромѣ дѣленія порайоннаго вообще, еще плодородіе почвы, густота населенія и цѣнность земли. Всѣ эти условія повели къ опредѣленію душевого надѣла отъ minimum $2^1/_2$ десятины—въ Курскомъ и нѣкоторыхъ уѣздахъ, Тульской, Рязанской и др. губ. до maximum 12 десятинъ — въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской и Астраханской губ. Обиліе земли въ на-

шихъ степныхъ мѣстностяхъ дѣлало возможнымъ установленіе одного размѣра надѣла—*указнаго*. Такъ какъ въ большинствѣ губерній были и малоземельные помѣщики относительно числа крѣпостныхъ, то явилась необходимость установленія высшей и низшей нормы надѣла. Послѣдняя составляетъ $^1/_3$ перваго.

Какъ извѣстно, проэктъ редакціонныхъ комиссій объ условіяхъ и способѣ надѣленія крестьянъ землею, при ихъ освобожденіи, не могъ быть проведенъ въ законодательномъ порядкѣ полностью, и сторонникамъ реформы, въ цѣляхъ спасенія всего дѣла, пришлось въ главномъ комитетѣ при обсужденіи этого вопроса, значительно понизить размѣръ надѣла въ неодинаковой мѣрѣ для отдѣльныхъ мѣстностей, и всего болѣе для средне-черноземной полосы.

Въ результатѣ же получилось, что, при изданіи положеній 19 февраля, норма высшаго надѣла была сведена до такого уровня, при которомъ часть прежнихъ надѣловъ, состоявшая до эмансипаціи въ фактическомъ пользованіи крестьянъ, подлежала у значительнаго числа послѣднихъ отрѣзкѣ въ пользу ихъ бывшихъ господъ.

Дѣло этимъ не ограничилось. Крѣпостникамъ удалось въ государственномъ совѣтѣ провести въ законодательномъ порядкѣ правила о допустимости дарового или нищенскаго надѣла. Это правило о сиротскомъ, нищенскомъ или Гагаринскомъ (по фамиліи изобрѣтателя) надѣлѣ было помѣщено въ ст. 123 мѣстн. положен. Велик. и въ ст. 116 мѣстн. положен. Малорос. Уступая такимъ образомъ незначительную часть надѣльной земли ($^1/_4$ часть нормальнаго надѣла для данной мѣстности) крестьянамъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ за нее платежей, помѣщикъ тѣмъ самымъ выкупалъ себѣ право вѣчнаго пользованія остальной частью земли, которую ему пришлось бы отдать крестьянамъ при нормальномъ надѣлѣ. Первыя десять лѣтъ послѣ обнародованія положенія, согласно утвержденному государственнымъ совѣтомъ правилу, перешедшему и въ текстъ Положеній 19-го февраля, крестьяне, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, могли отказаться отъ пользованія землею до $^1/_3$ высшаго или указаннаго надѣла, а по прошествіи десяти лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ,

получали право навсегда отказываться отъ пользованія отведенной землею.

Какъ справедливо замѣтилъ проф. Ходскій („Земля и земледѣлецъ“ 1891 г. II т. стр. 41), наиболѣе часты были переходы крестьянъ на дарственные надѣлы въ мѣстностяхъ многоземельныхъ, гдѣ представлялась возможность арендовать землю за невысокую плату и гдѣ въ то же время особенно рѣзко проявлялось несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей съ арендными цѣнами: это, именно, въ юго-восточной, сѣверо-восточной и южной окраинахъ. Въ общемъ, число „четвертниковъ“ составило по 36 губерніямъ болѣе 600.000 человѣкъ, т е, около 0,9 проц. числа всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ. Ихъ надѣлы были размѣромъ иногда и при освобожденіи не болѣе нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженъ; теперь же они составляютъ только десятки саженъ въ каждомъ полѣ.

Насколько существенными оказались эти сокращенія надѣла, можны видѣть изъ данныхъ, приведенныхъ Н. П. Семеновымъ (Освобожденіе крестьянъ въ царствованіи Императора Александра II, издан. 1888—92 гг.), согласно которымъ крестьянамъ по положеніямъ въ общемъ было оставлено не болѣе $^4/_5$ находившейся у нихъ до эмансипаціи въ пользованіи земли.

Въ видѣ примѣра укажемъ здѣсь постепенный ходъ такихъ урѣзокъ для шести губерній центра Россіи (въ 1000 десятинъ).

	Воронежской	Новгородской	Псковской	Рязанской	Саратовской	Симбирской
Крестьянскій надѣлъ до реформы 19 фераля .	722	1600	917	1070	1078	599
Изъ него предположено отрѣзать: *Редакціонными комиссіями: 1-й періодъ*	34,6	500	50	50	150	40
Ими же *2-й періодъ* . .	38	530	100	61	154	55

Главнымъ комитетомъ .	52	555	112	70	164	69
Добровольн. отказъ крестьянъ и принятіе *дарственнаго* надѣла . .	100	—	—	—	80	—
Осталось у крестьянъ по положеніямъ 19 февраля 61 года	570	1045	805	1000	834	530
Отрѣзано изъ владѣнія крестьянъ помѣщикамъ по реформѣ	152	555	112	70	244	69

По правиламъ Положеній, такимъ образомъ, изъ земель, состоящихъ въ распоряженіи помѣщичьихъ экономій, въ общемъ итогѣ не отошло ни клочка, тогда какъ во владѣніи крестьянъ далеко не всегда были оставлены существовавшіе у нихъ надѣлы, которыми они до того уже издавна пользовались, но лишь въ границахъ высшихъ и низшихъ размѣровъ, выработанныхъ редакціонными комиссіями для каждой отдѣльной мѣстности, на основаніи данныхъ, доставленныхъ самимъ дворянствомъ, и тамъ, гдѣ количество земли, состоявшей прежде въ пользованіи крестьянъ, превышало установленный въ этой мѣстности высшій размѣръ надѣла, весь излишекъ былъ возвращенъ помѣщичьей экономіи.

Самые большіе надѣлы получили бывшіе государственные крестьяне, у которыхъ средній размѣръ надѣла по 50 губерніямъ равнялся 6,7 десятинъ, при чемъ по разнымъ районамъ и губерніямъ Россіи онъ колебался отъ 24,5 десятинъ (Олонецкая губ.) до 3,5 десят. (губ. сѣверо-западнаго края).

Бывшіе помѣщичьи крестьяне во всѣхъ районахъ и губерніяхъ Россіи получили меньшіе надѣлы, чѣмъ бывшіе государственные. Средній для 50 губерній душевой надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ назначенъ въ 3,2 десят., т. е. въ два раза меньше средняго надѣла государственныхъ крестьянъ. Лучше надѣлены бывшіе помѣщичьи крестьяне въ Сѣверномъ районѣ, включая губерніи сѣверо-западныя и сѣверо-восточныя, гдѣ надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ по этимъ тремъ районамъ колебался отъ 50 десятинъ до 4,2

десятинъ, т. е. выше средней величины надѣла помѣщичьихъ крестьянъ для всей Россіи. Въ остальныхъ районахъ, т. е. въ средней и южной Россіи, надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ вообще ниже средней величины, опускаясь для отдѣльныхъ районовъ, до 2,2 десят., а въ отдѣльныхъ губерніяхъ ниже 2 десятинъ на душу (Кіевская—1,7, Подольская—1,9, Полтавская—1,7). Изъ южныхъ губерній по значительности надѣловъ выдѣляются бывшіе помѣщичьи крестьяне губерній Астраханской (10,5 десят.), Таврической (6,5 десят.), Бессарабской (5,2 десят.).

Бывшіе удѣльные крестьяне получили бо́льшіе надѣлы сравнительно съ бывшими помѣщичьими (за исключеніемъ Астраханской и Московской губ.), но меньше, чѣмъ бывшіе государственные крестьяне, вездѣ, кромѣ губ. Тверской, Архангельской и Симбирской, а именно въ среднемъ, 4,9 дес. при колебаніяхъ по отдѣльнымъ губерніямъ (кромѣ нами упомянутыхъ) отъ 3,6 дес. до 7,5 десятинъ.

При веденіи крестьянскаго хозяйства по трехпольной системѣ, при дурной обработкѣ полей и ихъ низкой средней урожайности, которая въ періодъ освобожденія крестьянъ колебалась по районамъ отъ 25 до 37 пудовъ ржи на десятину (превышая эту норму только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ урожай достигалъ до 43 пудовъ на десятину), надѣленіе крестьянъ по указаннымъ нормамъ въ общемъ было не достаточно для того, чтобы крестьяне могли кормиться собственнымъ хлѣбомъ, какъ равно оно не обезпечивало ихъ кормовыми средствами для скота. Конечно, при этомъ наименѣе обезпеченными землею оказались (за исключеніемъ трехъ губерній) помѣщичьи крестьяне.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Положенія 19 февр. фактически отступили отъ основного принципа ихъ редакторовъ, положеннаго ими въ основу земельной реформы—именно, что крестьянамъ должно быть отведено „надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли для ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и обществомъ“. Взамѣнъ того можно сказать, что основой надѣленія крестьянъ землею здѣсь было положено иное начало, именно—большинству крестьянъ было отведено такое количество земли, которое при трехпольномъ хозяйствѣ *не обезпечивало* ихъ быта и вынужда-

ло искать дополнительныхъ заработковъ какъ отъ разнаго рода промысловъ, такъ равнымъ образомъ отъ работъ по найму въ помѣщичьихъ хозяйствахъ.

Такъ или иначе, по Положеніямъ 19 февраля 1861 года, около *тридцати семи* милліоновъ десятинъ отошло отъ дворянъ, изъ общаго количества ихъ земель, которой было у нихъ до 125 милліоновъ десятинъ, и удержано за бывшими крѣпостными крестьянами; а такъ какъ всѣ прежніе крестьяне разныхъ наименованій представляютъ нынѣ уже одно крестьянское сословіе, то къ показанному количеству земли слѣдуетъ еще присоединить и дарованныя послѣ упраздненія крѣпостного состоянія до *пяти* милліоновъ десятинъ бывшимъ удѣльнымъ и до *шестидесяти четырехъ* милліоновъ десятинъ—государственнымъ крестьянамъ, а также закрѣпленныя за принадлежащими къ сословію крестьянъ подъ другими наименованіями *двадцать четыре милліона*, что все вмѣстѣ взятое составитъ болѣе *ста тридцати милліоновъ* десятинъ, на которыхъ было водворено новое сословіе.

Надѣльная земля за исключеніемъ дарственнаго (нищенскаго) надѣла] не была прямо передана крестьянамъ въ собственность. Напротивъ, по Положеніямъ 19 февраля за помѣщиками было сохранено право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было вмѣнено въ обязанность предоставить въ пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость и извѣстное количество полевой земли и другихъ угодій. За отведенный надѣлъ крестьяне обязаны были отбывать въ пользу помѣщиковъ оброкъ-повинность работою или деньгами. Эти такъ называемыя „временно обязательныя“ отношенія крестьянъ къ ихъ бывшимъ господамъ были тщательно регламентированы Положеніями 19 февраля 1861 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ предоставлено было право, безъ согласія на то помѣщика, выкупать усадебные лишь свои участки. Выкупъ же *всей* надѣльной ихъ земли допускался (по положенію о выкупѣ) только по добровольному о томъ соглашенію съ помѣщиками или *по требованію о томъ со стороны послѣднихъ*.

Въ счетъ надѣла шли только земли, годныя для пашни или сѣнокоса,—пески, болота, овраги, улицы, дороги и т. п.

не могли входить въ составъ крестьянскихъ надѣловъ. Изъ угодій въ надѣлы входили пашни, сѣнокосы, кустарники и лѣса.

Стоимость надѣла для его выкупа отъ помѣщиковъ крестьянами редакторы Положеній рѣшили опредѣлить путемъ капитализаціи того оброка, который былъ установленъ съ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за пользованіе надѣлами до ихъ выкупа, въ періодъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; т. е. въ размѣрѣ дореформеннаго (еще крѣпостного времени) оброка, съ пониженіемъ послѣдняго въ среднемъ на $^1/_3$ противъ прежняго. Но строго придерживаться этого принципа, по разнымъ причинамъ, было невозможно—въ однихъ случаяхъ въ интересахъ помѣщиковъ, въ другихъ—въ интересахъ крестьянъ. Поэтому редакторами Положеній было установлено три оклада оброковъ—въ 8, 9 и 10 рублей за душевой надѣлъ [въ видѣ исключенія лишь допущены были болѣе высокіе оклады]. Этотъ оброкъ, капитализированный изъ $6^0/_0$ и составлялъ стоимость *высшаго* надѣла для данной мѣстности. Если приходилось опредѣлять сумму выкупа для надѣла ниже maximum'а въ данной мѣстности, тогда и оброкъ, и капитальная цѣна для выкупа надѣла должны были понижаться. Однако установленіе такого пониженія *пропорціонально* величинѣ надѣла было бы слишкомъ невыгоднымъ для помѣщиковъ, почему редакц. комиссіи рѣшили при этомъ установить „градаціи“ при оцѣнкѣ надѣловъ. Градація такая заключалась въ томъ, что первая десятина надѣла, а мѣстами и вторая облагались оброкомъ въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ послѣдующія. Это сдѣлано съ цѣлью получить большее вознагражденіе за усадебную и пріусадебную земли; мѣстами же такой повышенной расцѣнкой прикрывалось стремленіе получить вознагражденіе за *личность* освобождаемыхъ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ при опредѣленіи размѣровъ выкупа, напр. при 4 десятинахъ „удобной“ земли высшаго надѣла, при высшемъ оброкѣ въ 9 рублей, за первую десятину назначалось 4 руб. оброка, за вторую 2 р. 40 к., за третью и четвертую по 1 р. 30 к. При 8 десятинахъ высшаго надѣла тѣ же 9 р. оброка (maximum для нечерноземныхъ мѣстно-

стей) распредѣлялись такъ: за первую десятину 4 р., за вторую 1 р. 60 коп., за третью и остальныя по $56^2/_3$ коп. При максимумѣ въ 8 десятинъ за четырехдесятинный надѣлъ платили уже не всѣ 9 р., а только 6 р. $73^1/_3$ к. оброка.

Какое значеніе имѣла градація оброка, видно изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго въ примѣч. къ ст. 169 мѣстн. полож. Велик.: въ Мышкинскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., высшій надѣлъ—*4 дес.;* высшій оброкъ—*10 рублей*, изъ каковой суммы на первую десятину приходится *5 руб.*, на 2-ую *2 р. 50 к.* и на 3-ю и 4-ю по *1 р. 25 к.* По этимъ даннымъ выкупная оцѣнка 4-десятиннаго надѣла опредѣлится (за скидкою 20 проц. изъ капитализованнаго изъ 6 проц. оброка) въ $133^1/_3$ руб. или $33^1/_3$ р. на дес., а оцѣнка 2-десятиннаго надѣла—въ 100 руб. или въ 50 р. за десятину.

Капитализированную такимъ образомъ сумму оброка, какъ выкупъ за надѣлы, помѣщики могли получать отъ правительства процентными бумагами ($5^0/_0$ банковыми билетами и выкупными 5 и $5^1/_2{}^0/_0$ свидѣтельствами), но только въ размѣрѣ, не превышающемъ $^4/_5$ всей выкупной суммы, остальную $^1/_5$ должны были платить сами крестьяне, при добровольномъ соглашеніи съ помѣщиками, а при требованіи о выкупѣ со стороны помѣщиковъ безъ согласія съ крестьянами дѣло ограничивалось только $^4/_5$ выдаваемыми казною.

Въ общемъ при этой расцѣнкѣ земля уступалась съ выгодой для помѣщиковъ, по дорогой (сравнительно съ цѣнами того времени) расцѣнкѣ. Благодаря этому, а равно въ виду стѣсненныхъ уже тогда денежныхъ обстоятельствъ большинства помѣщиковъ (особенно благодаря упраздненію казенныхъ кредитныхъ учрежденій и отсутствію частныхъ) большинство помѣщиковъ вслѣдъ за эмансипаціей, не ожидая соглашенія съ крестьянами, стало *требовать выкупа* надѣльныхъ земель, упраздняя временно обязательственныя отношенія. Такимъ образомъ, не смотря на отсутствіе принудительнаго характера въ дѣлѣ выкупа, черезъ 20 лѣтъ, т. е. къ тому времени, когда онъ былъ сдѣланъ обязательнымъ (Высочайшій указъ 28 декабря 1881 года), $85^0/_0$ всей надѣльной земли уже было переведено на выкупъ.

Относительно *экономической обстановки*, въ которой находится крестьянское хозяйство, реформа 61 года поставила

достаточно опредѣленную цѣль. Выясняя ее, редакціонныя комиссіи замѣчаютъ слѣдующее: „Главнѣйшей изъ этихъ основъ несомнѣнно было созданіе сельскаго населенія, обезпеченнаго въ своихъ насущныхъ потребностяхъ особымъ дарованнымъ ему для сего земельнымъ фондомъ. Само собою разумѣется, что обстоятельство это силою вещей вызываетъ необходимость закрѣпленія этого фонда на вѣчныя времена за тѣмъ сословіемъ. обезпеченіемъ существованія коего онъ долженъ явиться". Приравнивать надѣльныя земли къ частной собственности—говорятъ комиссіи далѣе „очевидно нельзя, хотя-бы въ силу того обстоятельства, что при ихъ отводѣ имѣлись въ виду не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, а неизмѣримо болѣе широкія обще-государственныя цѣли. Стремленіе достичь ихъ вполнѣ оправдываетъ надзоръ и вмѣшательство государства въ дальнѣйшей судьбѣ надѣльныхъ земель. Полагать что земли эти и безъ установленія особыхъ касающихся ихъ распоряженія и пользованія правилъ сохранятъ свое первоначальное назначеніе,—нѣтъ возможности. Поэтому и надлежитъ признать, что надѣльныя земли имѣя, государственное значеніе и служа обезпеченіемъ быта крестьянъ, не могутъ составлять предметъ свободнаго оборота и потому не подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, а должны быть подчинены особымъ постановленіямъ, направленнымъ къ охраненію тѣхъ задачъ, въ цѣляхъ достиженія которыхъ земли эти были предоставлены крестьянамъ".

Вопросъ о *формахъ* землевладѣнія былъ признанъ редакторами Положеній 19 февраля 1861 г. безразличнымъ. Въ этомъ отношеніи редакціонныя комиссіи замѣтили, что онѣ постоянно руководствовались предложеніемъ покойнаго ихъ предсѣдателя Я. И. Ростовцева, заявленнымъ уже во второмъ засѣданій комиссій, заключающимся въ слѣдующемъ: „Вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи землями, которыя будутъ выкуплены, долженъ быть рѣшенъ согласно особенностямъ каждой мѣстности, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удерживаться отъ стремленій, разрѣшать этотъ вопросъ принудительными мѣрами" (мат. ред. ком. т. XIII, хоз. отд.—„о надѣлѣ",стр. 250).

По мнѣнію ред. комиссій (мат. ред. ком. т. II, кн. 1, стр. 56, 57)„ распоряженіе землею, принадлежащею въ собственность мірскому обществу, должно быть предоставлено усмотрѣнію общества, которое можетъ оставить землю въ общемъ владѣніи, или раздѣлить ее, когда признаетъ это нужнымъ, между дохозяевами, назначивъ каждому участокъ въ частную собственность". Не слѣдуетъ, говорятъ редакторы Положеній—препятствовать переходу земель, окончательно пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность изъ общиннаго владѣнія въ личное. Если способъ общиннаго владѣнія крестьяне признаютъ для себя выгоднымъ, то надлежитъ ихъ оставлять при такомъ порядкѣ владѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно *искусственнымъ покровительствомъ* системѣ общиннаго владѣнія преграждать крестьянамъ путь къ общему и отдѣльному выходу изъ общиннаго порядка. Въ томъ и другомъ случаѣ всякое понудительное распоряженіе, напр., подчиненіе выдѣла согласію опредѣленнаго числа домохозяевъ и проч., было бы мѣрою стѣснительною и несправедливою. Личный интересъ членовъ общества—лучшій и безошибочный судья въ этомъ дѣлѣ. Если выдѣлъ отдѣльнаго члена общество признаетъ для себя неудобнымъ, то оно можетъ выкупить имущество, слѣдующее сему члену изъ общиннаго владѣнія; но если общество не пожелаетъ пріобрѣсть принадлежащую выдѣляющемуся члену часть, то найдетъ средство выдѣлить его, и не прибѣгая къ общему передѣлу земель. При этомъ нужно замѣтить, что крестьяне могутъ выкупить часть выдѣляющагося члена и въ томъ случаѣ, когда у нихъ не заведены мірскіе капиталы, а именно посредствомъ добровольной раскладки слѣдующей выкупной суммы между домохозяевами (мат. ред. ком. т. XII юридич. отд. стр. 28, 29).

Задача законодателя по мнѣнію комиссіи, должна состоять здѣсь „главнымъ образомъ въ предоставленіи сельскому населенію всѣхъ средствъ къ сознательному, по собственному почину какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способомъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ".

Не смотря однако на все стремленіе свое провести въ

вопросѣ о формахъ землевладѣнія основнымъ принципомъ правило —laissez faire,—редакторы не могли не отмѣтить существенное, по ихъ мнѣнію, вліяніе крестьянской поземельной общины въ борьбѣ правительства противъ „демократическаго разрушительнаго начала".

„Сохраненіе самородной сельской общины тамъ, гдѣ она уже нынѣ существуетъ въ силу народнаго обычая, не только не благопріятствуетъ образованію коалиціи въ рабочихъ классахъ и развитію демократическаго разрушительнаго начала, но, напротивъ, укрѣпляетъ самый надежный, въ Европѣ, къ сожалѣнію, съ каждымъ днемъ исчезающій, оплотъ противъ него. Коалиціи работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей, со всѣми ихъ послѣдствіями,—все то, чѣмъ стараются возбудить опасенія за мирный исходъ крестьянскаго вопроса, развилось въ тѣхъ странахъ, гдѣ давно ужъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ поземельной общины, и притомъ почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, не связанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искуственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку, какъ, напр., во Франціи, въ Ирландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи" (*Скребицкій*—т. I, стр. 828).

Нельзя не замѣтить впрочемъ, что какъ въ трудахъ ред. ком., такъ и главнаго комитета неуклонно проводится мысль, что уравнительное землепользованіе есть порядокъ временный, „обусловленный отсутствіемъ привычки или нужды въ тщательной обработкѣ земли и естественнымъ плодородіемъ почвы",—„съ постепеннымъ развитіемъ хозяйственныхъ условій онъ окажется тягостнымъ для самихъ крестьянъ".—„Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ приложенія къ землѣ упорнаго труда является развитіе подворныхъ хозяйствъ"; „постепенный переходъ общиннаго крестьянскаго пользованія въ участковое, по всѣмъ вѣроятіямъ, неизбѣженъ", поэтому и необходимо предоставленіе общинѣ законнаго пути къ естественному, внутреннею необходимостью вызванному разложенію ея на случай, если-бы впослѣдствіи

обнаружилось ея несоотвѣтствіе требованіямъ обновленнаго экономическаго быта". *)

Слѣдуетъ согласиться, что цѣль составителей Положенія 19 февраля 1861 года, состоявшая „въ дѣйствительномъ освобожденіи крестьянскаго сословія отъ крѣпостной зависимости и въ дѣйствительномъ дарованіи ему гражданскихъ правъ», осталась незавершенной во многомъ.

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, новые законы 19 февраля оставили ихъ однако въ зависимости отъ власти міра и отъ опеки чиновниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не произошло и полнаго уравненія крестьянъ въ правахъ съ лицами другихъ сословій, особенно съ дворянами. Дѣло въ томъ, что и послѣ 19 февраля 1861 года, крестьяне оставлены были, по отношенію къ правительству, въ *податномъ* состояніи и тѣмъ самымъ продолжали, въ значительной степени, оставаться не вполнѣ свободными. Подать собиралась съ лица, съ Ивана, Сидора, Степана, не зависимо отъ того, какое и сколько имущества имѣлъ каждый, казна заботилась о томъ, чтобы обложенные податью лица не уклонялись отъ ея отбыванія. А потому выходъ крестьянъ изъ податного состоянія былъ очень затрудненъ.

Послѣдующія реформы: положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, 1 января 1864 года, и судебные уставы 20 ноября 1864 года не стояли въ органической связи съ крестьянскимъ управленіемъ, и обособленность поддерживалась все болѣе и болѣе развивающейся административной опекой. На мѣстѣ исчезнувшихъ призраковъ крѣпостного помѣщичьяго права создались государственныя формы, строго регламентирующія умственную, нравственную сторону, семейный и экономическій строй крестьянской жизни, давшія земскому самоуправленію сословный отпечатокъ.

Освобожденіе *личности* крестьянина въ Полож. 19 февраля было осуществлено не вполнѣ. Въ отношеніи крестьянъ къ суду, управленію и администраціи сохранились до

*) Мат. ред. ком. т. III, кн. I стр. 231, 233—235; т. IV, Хоз. Отд. № 1, стр. 45, т. XI, стр. 190; т. XII, Адм. Отд. стр, 39—44; т. XIII –„о надѣлѣ" стр. 250; Журн. Гл. Ком. стр. 172, 173.

сихъ поръ элементы крѣпостного права и патримоніальной власти, съ тою, конечно, крупною разницей, что послѣ реформы 19 февраля эта патримоніальная власть, опекающая личность крестьянина, перешла отъ помѣщиковъ къ чиновному классу. Попытки переступить эту грань и дальше продлить процессъ освобожденія, выразившіяся въ такихъ актахъ, какъ подчиненіе крестьянъ мировой юстиціи, широкое участіе въ судѣ присяжныхъ и въ земскомъ представительствѣ,—были скоро остановлены и октроированныя права были взяты назадъ или сокращены до минимума. Во всѣхъ пунктахъ проявленія крестьянской личности въ школѣ, судѣ, администраціи и религіи—стоялъ опекунъ чиновникъ, въ видѣ инспектора народныхъ школъ, мирового посредника, земскаго начальника, а также церковнаго миссіонера, словесное, а часто и физическое оружіе котораго своимъ остріемъ направлялось на сектантовъ и всѣхъ, проявившихъ свободу сужденія въ дѣлахъ религіозныхъ вѣрованій.

Значительная доля послѣдующихъ законоположеній была направлена къ этой цѣли, и громадное число ихъ съ 1861 г., съ постоянными добавленіями и разъясненіями, свидѣтельствуетъ, что крестьянское управленіе и устройство создано и созидалось непланомѣрно, поспѣшно, съ многочисленными искусственными придатками, не соотвѣтствующими основнымъ началамъ Полож. 19 февр. 1861 г. На это еще въ 1881 году указано было Кахановской комиссіей въ предисловіи къ программѣ. „Мѣстныя учрежденія, — говорится въ ней,—не составляя въ своей совокупности ни плода правильнаго самобытнаго развитія общественной жизни, ни теоретически созданнаго цѣлаго, представляютъ пестрое наслоеніе болѣе или менѣе случайныхъ остатковъ какъ попытокъ теоретическаго настроенія всего управленія или части онаго, такъ и долговременной борьбы различныхъ началъ управленія и даже временно преобладающихъ почему-либо потребностей“.

Другая задача, которую хотѣли выполнить составители крестьянскихъ положеній, а именно отвести крестьянамъ при освобожденіи *достаточные надѣлы* и предоставить ихъ имъ въ собственность,—тоже не была выполнена. Какъ уже мы говорили, въ основаніе опредѣленія размѣра надѣловъ бы-

ло положено существовавшее при крѣпостномъ правѣ пользованіе; однако, этотъ размѣръ надѣла постепенно понижался во время работъ редакціонныхъ комиссій и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, да кромѣ того принято было правило о четвертномъ надѣлѣ. При такихъ условіяхъ оказалось, что послѣ освобожденія у крестьянъ осталось въ ихъ пользованіи даже менѣе земли, чѣмъ они въ общемъ имѣли ея во времена крѣпостного права.

При надѣленіи крестьянъ землею общераспространеннымъ явленіемъ было предоставленіе крестьянамъ худшихъ по качеству земель, нарѣзываніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ и длинными узкими полосами, иногда безъ всякаго прогона для скота. Въ общемъ статистическія свѣдѣнія показываютъ, что по Положеніямъ 19-го февраля только 32,6 проц., т. е. около трети помѣщичьихъ крестьянъ, получили земельные надѣлы, достаточные для безбѣднаго существованія; остальные же получили надѣлы или мало обезпечивающіе ихъ существованіе, или даже вовсе не обезпечивающіе.

Если принять затѣмъ во вниманіе, что на бывш. помѣщичьихъ крестьянахъ, кромѣ уплаты оброка или выкупныхъ платежей, лежала еще обязанность вносить въ казну денежныя подати разнаго наименованія и отбывать различныя земскія натуральныя повинности, да кромѣ того тратиться еще и на мірскіе сборы, то, очевидно, денежныя дѣла освобожденныхъ крестьянъ должны были обстоять очень плохо.

Кромѣ того, не мало оказалось крѣпостныхъ, которые или совершенно не получили никакого надѣла, или надѣлъ этотъ достался имъ ничтожнаго размѣра. Прежде всего, крестьяне *мелкопомѣстныхъ имѣній* (ихъ въ 1860 г. числилось 325.627 ревизскихъ душъ, въ томъ числѣ 137.244 вовсе безземельныхъ) не могли требовать отъ своихъ бывшихъ помѣщиковъ надѣла, если его ранѣе не имѣли, и во всякомъ случаѣ не могли разсчитывать на прирѣзку земли къ тѣмъ участкамъ, какіе кому въ свое время были предоставлены господами въ пользованіе. Мелкопомѣстнымъ признавался помѣщикъ, за которымъ до 1861 года (по X ревизіи) числилось крѣпостныхъ менѣе 21 души мужскаго пола и который притомъ владѣлъ удобной землею въ количествѣ менѣе 75 десятинъ (въ нечерноземной и степной полосахъ великорос.

губ.) или 60 душевыхъ надѣловъ высшаго или указнаго надѣла (въ черноземной полосѣ и въ губ. малорос.).

Затѣмъ *дворовые люди* (дворня помѣщиковъ), если до эмансипаціи не получили отъ барина земли въ пользованіе, и по реформѣ 19 февраля 1861 г. вовсе не получили надѣла. Такихъ дворовыхъ уже въ 1858 г. насчитывалось, по 10-й ревизіи, болѣе 700.000 человѣкъ; слѣдовательно, въ настоящее время (въ виду того, что населеніе Россіи вообще естественнымъ приростомъ удваивается въ 50—55 лѣтъ) число ихъ потомковъ около полутора милліоновъ. Сюда же относятся потомки старыхъ, такъ-называемыхъ, николаевскихъ солдатъ. Сами николаевскіе солдаты получили въ свое время право на надѣлъ ихъ государственной землей. Многимъ онъ и былъ фактически отведенъ, хотя не всѣ имъ на дѣлѣ воспользовались; но на потомковъ ихъ это право не распространено, и они, какъ и бывшіе дворовые и ихъ потомки, приписаны къ волостямъ или селеніямъ, но безъ права участія въ крестьянскомъ общинномъ (а тѣмъ болѣе подворномъ) надѣлѣ. У нихъ обыкновенно одна хата въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, иногда клочекъ земли— и болѣе ничего; это самые настоящіе сельскіе пролетаріи.

Въ общемъ, какъ мы говорили выше, уже въ 1861 г. отведенный бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ земельный надѣлъ составлялъ въ среднемъ на каждую наличную мужскую душу около 3,5 десятины. Принимая же въ соображеніе естественный приростъ населенія, увеличившагося за время до 1911 г. (считая отъ послѣдней ревизіи 1851 года) вдвое, можно легко вычислить, что въ настоящее время средній душевой надѣлъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ понизился уже до *1,75* десят. на наличную мужскую душу. При такомъ малоземельѣ теперь крестьяне въ большинствѣ случаевъ (до 80% всѣхъ ихъ) собираютъ со своихъ надѣловъ хлѣба менѣе *21 пуда* на душу, т. е. менѣе того количества, которое требуется для прокормленія себя, семьи и необходимой въ хозяйствѣ скотины.

Болѣе благопріятнымъ образомъ было проведено поземельное устройство бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Въ общемъ первые при освобожденіи получили около 6,7 десятины, а удѣльные крестьяне — не ме-

нѣе 5 десятинъ на душу. По разсчету проф. Ходскаго, изъ бывшихъ государств. и удѣльн. крестьянъ были надѣлены выше средней рабочей нормы болѣе $^1/_2$ (50,7%), въ предѣлахъ нормы — болѣе $^1/_3$ (35,6%), менѣе нормы всего 13,7%. Однако, и здѣсь естественный приростъ населенія повліялъ крайне неблагопріятно на землевладѣніе. Согласно матеріаламъ комиссіи 16 ноября 1901 г. по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи,—средній размѣръ надѣла на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ, т. е. бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ, государственныхъ и т. д., представлялъ въ 1900 г. до 2,6 десятины. При этомъ менѣе всего земли на душу (отъ 1,4 десят. до 1,7 десят.) приходилось въ Юго-Западномъ краѣ и малороссійскихъ губерніяхъ, болѣе всего (отъ 4,8 до 4,6 десят.) въ восточномъ, сѣверномъ и сѣверо-восточномъ раіонахъ.

Согласно матеріаламъ этой комиссіи, по раіонамъ средній размѣръ надѣла на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

Раіоны:	Число десятинъ на душу
Сѣверный	4,7
Сѣверо-восточный	4,6
Восточный	4,8
Юго-восточный	3,5
Средне-приволжскій	2,4
Средне-земледѣльческій: юго-восточн. гр.	2,2
Средне-земледѣльческій: юго-западн. гр.	1,7
Средне-промышленный	2,6
Прибалтійскій	2,4
Сѣверо-западный	2,2
Юго западный	1,4
Малороссійскій	1,7
Новороссійскій	2,5
Всего по 50 губ. Европ. Россіи	*2,6*
а теперь	*около 2,2* дес.

Въ дополненіе къ этимъ цифрамъ мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности сообщаютъ

еще болѣе печальные факты, именно о повсемѣстномъ развитіи за послѣднее время числа *безземельныхъ* крестьянъ. Такъ, въ Самарской губ., т. е. въ одной изъ житницъ Россіи, безземельныхъ уже въ 1900 гг. состояло болѣе 16% всего населенія, въ Псковскомъ уѣздѣ—болѣе 25%, въ Таврической губ., въ Крымскихъ уѣздахъ—число безземельныхъ превышало 50%. Въ Полтавской губ. 3,4% крестьянъ совершенно не имѣютъ земли, 16,3% имѣютъ однѣ усадьбы; 26,7% имѣютъ отъ 1 до 3 десятинъ пашни. Въ Симбирской губ. болѣе 112.000 дарственниковъ имѣютъ средній душевой надѣлъ не болѣе 1/3 десятины. Въ Архангельской губ., при необъятномъ земельномъ просторѣ, культурныхъ земель приходится менѣе 1 десятины на каждаго жителя; въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губ. ощущается острое малоземелье; напр., въ Яренскомъ уѣздѣ ни одна волость не имѣетъ надѣльной пахатной земли болѣе 2000 саженъ на ревизскую душу. Даже въ Уфимской губерніи 78,4% крестьянъ имѣютъ надѣлъ всего въ 4,6 десятины.

Въ общемъ можно сказать, что теперь у большинства сельскихъ обывателей малоземелье, въ связи къ тому же съ черезполосицей, дошло до такого предѣла, когда уже самый переходъ отъ трехполья къ высшей, болѣе интенсивной культурѣ, представляется затруднительнымъ безъ извѣстнаго предварительнаго увеличенія земельныхъ надѣловъ до такой нормы, которая представлялась бы наиболѣе соотвѣтствующей рабочимъ силы крестьянской семьи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне и до сихъ поръ продолжаютъ оставаться главной доходной статьей для казны. Дѣло въ томъ, что у насъ правительство большинство доходовъ своихъ получаетъ путемъ обложенія разными налогами недвижимыхъ имуществъ. Въ то же время земскія повинности также лежатъ почти исключительно на землѣ; наконецъ, всѣ частныя мірскія повинности — сельскія и волостныя, представляющія въ общемъ очень высокій налогъ, во многихъ мѣстахъ значительно превышающій сборы въ земства, падаютъ на землю. Вслѣдствіе этого, тяжесть обложенія крестьянской земли достигаетъ очень крупныхъ размѣровъ и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ развитію и процвѣтанію крестьянскаго хозяйства, до-

ходъ съ котораго почти цѣликомъ собирается теперь въ казну, а на рукахъ у крестьянъ остаются лишь скудные остатки, рѣдко достаточные для удовлетворенія ихъ основныхъ потребностей. Достаточно сказать, что 30, 50, мѣстами даже до 125% чистаго дохода съ надѣльной земли поступаетъ съ крестьянъ въ казну... Таковъ вышелъ конечный результатъ желанія Я. И. Ростовцева, чтобы земельный надѣлъ былъ предоставленъ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу „для обезпеченія его быта и исполненія обязанностей его передъ правительствомъ“...

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Положенія 19 февраля лишили ихъ въ то же время возможности получать себѣ деньгами и имуществомъ поддержку отъ господъ или отъ казны въ случаяхъ наступленія разныхъ бѣдъ и случайностей, разстроившихъ хозяйство. Бывало, у помѣщичьихъ или государственныхъ крестьянъ случатся болѣзни, моръ скота, пожаръ, неурожаи или еще какая бѣда, помѣщикъ или казна всегда помогутъ пострадавшимъ, сберегая этимъ себѣ въ нихъ хорошую статью дохода для будущаго. Со времени же паденія крѣпостного права крестьяне были оставлены совершенно безъ охраны ихъ благосостоянія. Благодаря этому и привычкѣ ранѣе жить за спиной помѣщиковъ или казны, они въ первое время своей свободы растерялись, не сумѣли справиться со своимъ хозяйствомъ, и, не имѣя, въ большинствѣ своемъ, запаса денегъ „про черный день“, сдались при первомъ же постигшемъ ихъ неурожаѣ или другой бѣдѣ по хозяйству. Кулаки, кабатчики и другіе деревенскіе пауки-міроѣды быстро приспособились къ крестьянству и такъ умѣло его обработали, что скоро отъ прожитка, если какой въ которой семьѣ ранѣе имѣлся, осталось одно только пріятное воспоминаніе. Вся же забота казны о крестьянахъ долгое время послѣ освобожденія ограничивалась однимъ: возможно исправнѣе выбить съ крестьянъ недоимки—и только; при такомъ же порядкѣ, особенно еще, когда всюду примѣнялась круговая порука, крестьянство быстро пошло по пути полнаго разоренія.

Можно прямо сказать, что оставленные правительствомъ послѣ 1861 г. безъ всякой экономической поддержки кре-

стьяне дошли до крайней степени нищеты. Статистическія изслѣдованія, произведенныя извѣстнымъ знатокомъ этого дѣла Ѳ. А. Щербиной, показываютъ прямо невѣроятно низкій уровень прожиточности нашего сельскаго населенія и тотъ ничтожный размѣръ потребностей, при которомъ крестьянинъ считаетъ сноснымъ свое существованіе. Оказывается, что эти потребности въ общемъ удовлетворяются затратой на одну душу сельскаго населенія въ сутки... 15 копѣекъ. „Этими 15 копѣйками измѣряются всѣ потребности крестьянина—личныя, семейныя, государственныя, т. е. расходы и на хлѣбъ, и на приварокъ, и на продукты животноводства или огородничества, и на будничныя одежды, и на предметы щегольства, моды и домашней обстановки, и на жилища, и на строенія, и на содержаніе скота, и на удовольствія, и на умственныя потребности".

Однако, сельскій обыватель въ большинствѣ обнищалъ настолько, что, за отсутствіемъ возможности получать откуда-либо себѣ достаточно средствъ, не въ состояніи уже, въ большинствѣ случаевъ, покрыть и эти свои минимальные расходы.

Только въ началѣ 80-хъ гг. правительство спохватилось и стало придумывать разныя мѣры къ поднятію прожиточности среди крестьянства.

Первой мѣрой въ этомъ направленіи было изданіе закона 28 декабря 1881 года объ обязательномъ выкупѣ. Закономъ этимъ прекращались обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками въ имѣніяхъ, гдѣ еще не состоялось между ними до той поры добровольныхъ соглашеній о выкупѣ. На основаніи обязательно составляемыхъ при этомъ выкупныхъ актовъ неопредѣленныя отношенія крестьянъ къ своимъ надѣламъ превратились въ ихъ право собственности на послѣдніе. Вмѣстѣ съ этимъ, для облегченія крестьянамъ, перешедшимъ на выкупъ, уплаты выкупныхъ платежей, эти платежи были понижены. Въ то же время бывшіе государственные крестьяне были переведены съ оброчной подати на выкупные платежи, а государственный поземельный сборъ былъ съ 1 января 1884 г. повышенъ (съ 7.660.300 р. на 11.738.700 р.). Въ конечномъ итогѣ мѣрами

этими окладные сборы съ крестьянъ были понижены на 40—45 милліоновъ руб.

Несравненно болѣе важное значеніе для крестьянъ имѣлъ законъ 28 мая 1885 г., которымъ отмѣнена была подушная подать съ крестьянъ. Эта мѣра уничтожила старую сословную обособленность крестьянъ, сложившуюся вѣками на податной почвѣ Съ этого времени стало неизбѣжно необходимымъ для законодателя, чтобы быть послѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, признать необходимость полнаго сліянія крестьянъ съ остальными сословіями въ строѣ государственной жизни. Всѣ особенности и отличія, которыя въ законахъ связывались ранѣе съ принадлежностью крестьянъ къ податному сословію, т. е. къ сословію, подлежавшему личному обложенію, естественно отпадали съ отмѣной подушной подати—этимъ пережиткомъ московскаго крѣпостного строя государства.

Къ сожалѣнію, эта простая мысль долго еще не была въ достаточной степени ясно усвоена правительствомъ; благодаря чему, напр., въ области крестьянскаго землепользованія, рядомъ и одновременно съ мѣрами къ поднятію крестьянскаго хозяйства создавались правила, въ цѣляхъ *обособленія* крестьянъ отъ другихъ классовъ общества.

Прежде всего, въ этомъ отношеніи правительство многочисленными законоположеніями примѣнило къ различнымъ разрядамъ сельскихъ обывателей (бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, фабричнымъ горнозаводскимъ людямъ, башкирамъ и т. д.) правила, изложенныя въ Положеніяхъ 1861 г. При этомъ вездѣ, въ результатѣ многочисленныхъ правительственныхъ мѣръ, касавшихся земельнаго устройства разнообразныхъ разрядовъ сельскаго населенія, образовалась громадная площадь такъ называемыхъ „надѣльныхъ“ земель, владѣніе и пользованіе которыми были установлены на особенныхъ началахъ, имѣющихъ очень мало общаго съ обыкновенными условіями земледѣлія лицъ не крестьянскаго сословія. Изъ соображеній правительства о земельныхъ распорядкахъ крестьянъ стало постепенно ускользать понятіе мелкой земельной собственности, которое имѣлось въ виду редакціонными комиссіями въ качествѣ конечной формы земельнаго устройства крестьянъ. Понятіе это, съ неулови-

мой постепенностью, смѣнялось понятіемъ спеціально крестьянскаго надѣльнаго землепользованія.

Признавъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, недостатокъ земельнаго обезпеченія крестьянъ полученными надѣлами, правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія. Законами 22 мая 1881 года и 5 іюня 1900 года предоставлены были крестьянамъ и крестьянскимъ обществамъ нѣкоторыя льготы по арендованію казенныхъ земель. Въ тѣхъ же цѣляхъ 18 го мая 1882 г. состоялось учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, при помощи котораго началось освобожденіе крестьянъ отъ земельной тѣсноты путемъ доставленія имъ при содѣйствіи банка и его посредничествѣ участковъ благопріобрѣтенной земли.

Та же забота объ упорядоченіи крестьянскаго землепользованія и огражденіи крестьянъ отъ малоземелья вызвала къ жизни законы 1893 года. Изъ нихъ законъ 8 іюня 1893 г. о земельныхъ передѣлахъ явился рѣзкимъ примѣромъ „попечительнаго руководства“ начальства крестьянами въ ихъ землепользованіи. Здѣсь были опредѣлены порядокъ и условія передѣловъ общинной надѣльной (полевой) земли, причемъ въ то же время самые передѣлы были поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ и назначенъ наименьшій (12 лѣтъ) срокъ, на который могутъ быть производимы передѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ ограничиваетъ право сельскихъ сходовъ на отобранія надѣловъ изъ общинной земли у отдѣльныхъ домохозяевъ, въ промежутокъ времени между передѣлами, немногими точно перечисленными въ самомъ законѣ случаями.

Болѣе сложнымъ по характеру и цѣлямъ изданія является другой законъ—14 декабря 1893 года. Законъ этотъ, опредѣливъ точнѣе исключительное право самой общины, а не отдѣльныхъ общинниковъ, распоряжаться своимъ надѣломъ, совершенно устранилъ пріобрѣтеніе надѣльной земли лицами, не приписанными къ обществу, т. е. не принадлежащими къ крестьянскому сословію, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подчинилъ совершеніе залога или продажи надѣльной земли согласію схода и утвержденію подлежащихъ властей. Равнымъ образомъ и крестьянамъ—подвор-

никамъ законъ этотъ дозволилъ отчуждать ихъ надѣльные участки только лицамъ, приписаннымъ и приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Соображенія, по которымъ было установлено такое ограниченіе свободы отчужденія для крестьянъ, сводились составителями закона 1893 г. главнымъ образомъ къ тому же, что высказывали ранѣе редакторы Положеній 19 февраля, именно, что надѣльныя земли не могутъ быть приравниваемы къ обыкновенной *частной* земельной собственности и служить предметомъ свободнаго оборота. Напротивъ, будучи отведены крестьянамъ *для обезпеченія ихъ быта*, онѣ имѣютъ государственное значеніе и потому должны подлежать ограниченіямъ. Эти ограниченія должны обезпечивать какъ сохраненіе надѣльныхъ земель за крестьянами, такъ равно и достиженіе ими той цѣли, ради которой послѣдовало, цѣною крупныхъ жертвъ со стороны государства и общества, надѣленіе крестьянъ землею при освобожденіи.

Однако всѣ указанныя мѣры мало помогали поправкѣ крестьянскаго благосостоянія, которое гдѣ и было еще ранѣе, теперь продолжало съ ужасною быстротою таять. На крестьянахъ все болѣе накоплялись недоимки, особенно по выкупнымъ платежамъ. Согласно закону 7 февраля 1894 года министру финансовъ, по соглашенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, было предоставлено разрѣшать разсрочку недоимокъ путемъ установленія ихъ уплатъ ежегодными опредѣленными взносами. Закономъ 13 мая 1896 г. было предоставлено тѣмъ же министрамъ, по взаимному соглашенію, въ цѣляхъ пониженія текущихъ окладовъ выкупныхъ платежей, разрѣшать, по ходатайству сельскихъ обществъ и подворныхъ владѣльцевъ, пересрочку на болѣе продолжительные періоды непогашенныхъ еще частей выкупного долга, т. е. другими словами,—уменьшить оклады выкупныхъ платежей, при одновременномъ удлиненіи выкупныхъ періодовъ.

Законы эти не помогли, и недоимки продолжали накопляться. Закономъ 31 мая 1899 г. установлены были новыя болѣе льготныя правила пересрочки выкупного долга, именно путемъ пересрочки, за проценты, только части непогашеннаго долга, съ безпроцентной отсрочкой остальной ея части. На-

конецъ, по манифесту 1905 г. 3 ноября выкупные платежи съ крестьянъ были окончательно отмѣнены съ 1 января 1907 г. Въ видахъ того же облегченія крестьянъ-плательщиковъ, закономъ 12 марта 1903 г. отмѣнена была круговая порука, это печальное наслѣдство крестьянъ еще изъ московскаго царства.

Законодательство „послѣ революціоннаго“ періода, рядомъ 1) съ положеніями, направленными къ уравненію личныхъ и гражданскихъ правъ крестьянъ съ остальными классами населенія, имѣетъ ясно выраженное 2) стремленіе „ставки на сильныхъ“, путемъ неуклоннаго проведенія поддержки наиболѣе зажиточной части крестьянскаго населенія въ цѣляхъ созданія у насъ сильной группы крестьянъ-собственниковъ, типа старыхъ „полупанковъ“. Преслѣдуя эту основную свою задачу, законодательство послѣдняго десятилѣтія между прочимъ объявило войну общинѣ и сложной семьѣ, въ цѣляхъ поддержки индивидуалистическаго начала въ крестьянскомъ землепользованіи.

Изъ законоположеній первой группы, въ которыхъ оказывались выраженными въ конечной формѣ desiderata редакторовъ Положеній 14 февраля 1861 г., кромѣ общеизвѣстнаго манифеста 17 октября 1905 года, касается спеціально крестьянъ Высоч. указъ 5 октября 1906 г. объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній.

Указомъ этимъ крестьянамъ предоставлены въ настоящее время въ отношеніи государственной службы одинаковыя права со всѣми остальными гражданами „примѣнительно къ таковымъ правамъ лицъ дворянскаго сословія“ и „на началахъ гражданской свободы и равенства передъ закономъ всѣхъ россійскихъ подданныхъ“. Въ этихъ цѣляхъ означенный указъ призналъ за крестьянами свободу выбора профессіи, свободу передвиженія, устраняетъ старую опеку общества и общины надъ членами и вводитъ большую неприкосновенность личности, особенно по административнымъ взысканіямъ земскихъ начальниковъ; имъ же отмѣняются окончательно и повсемѣстно: подушная подать, круговая порука, принудительная отдача неисправныхъ плательщиковъ

на заработки; правила о порядкѣ производства семейныхъ раздѣловъ подъ контролемъ сельскихъ властей, запрещеніе обязываться векселями и др. ограниченія, ранѣе искусственно ставившія грань въ общественномъ положеніи крестьянъ, сравнительно съ другими классами общества.

Среди законоположеній второй группы обращаютъ на себя преимущественно вниманіе два—именно, указъ 15 ноября 1906 г. и въ особенности законъ 14 іюня 1910 года (указъ 9 ноября 1906 г.).

Законъ 15 ноября 1906 г. „о выдачѣ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель“ изданъ съ двоякою цѣлью, именно, съ одной стороны, поддержать старый, высказанный еще редакторами положеній 19 февраля 1861 года принципъ, обособленнаго существованія и неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ въ руки лицъ иныхъ сословій, а съ другой—оказать возможное покровительство, путемъ матеріальной поддержки, создаваемому правительствомъ отрубному и хуторскому землепользованію. Въ послѣднемъ отношеніи въ законѣ уже ясно видно стремленіе его редакторовъ превратить какъ подворниковъ, такъ и общинниковъ въ мелкихъ собственниковъ типа „полуп нковъ“.

Подтверждая вновь правила закона 14 декабря 1893 года, по которому не допускалась продажа и отдача въ залогъ надѣльной земли лицамъ некрестьянскаго сословія *), указъ 15 ноября 1906 года разрѣшаетъ выдачу ссуды подъ залогъ этихъ земель изъ крестьянскаго банка. Это разрѣшеніе мотивируется тѣмъ, что „при благоразумномъ использованіи предоставляемаго крестьянамъ новаго вида государственнаго кредита, настоящая мѣра облегчитъ имъ воз-

*) Такое подтвержденіе стараго ограниченія мобилизаціи надѣльныхъ земель объясняется между прочимъ въ объяснительной запискѣ Мин. Внутр. Дѣлъ къ представленному въ Госуд. Думу проэкту „положенія о крестьянахъ“ тѣмъ, что „въ такой охранѣ закона надѣльный фондъ нуждается и на будущее время, какъ въ виду особаго назначенія надѣльныхъ земель, такъ въ виду того, что мелкое крестьянское землевладѣніе у насъ еще недостаточно окрѣпло и не можетъ еще самостоятельно существовать и нормально развиваться безъ нѣкоторой государственной поддержки“.

можность полученія необходимыхъ для расширенія землевладѣнія и улучшенія землепользованія денежныхъ средствъ".

Относительно условій и случаевъ, когда дозволяется крестьянамъ совершать займы въ крестьянскомъ банкѣ подъ залогъ своихъ надѣловъ, ст. 7 разсматриваемаго закона постановляетъ, что займы такіе имѣютъ мѣсто:

„1) для уплаты за надѣлы, оставляемые крестьянами, переселяющимися на новыя земли;

„2) для пополненія той части покупной цѣны на земли, пріобрѣтаемыя съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка, которая не покрывается ссудой банка, выдаваемой подъ залогъ покупаемой земли;

„и 3) на покрытіе вызываемыхъ улучшенімъ землепользованія расходовъ: а) при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному: б) при разселеніи обществъ на отдѣльные поселки или хутора; в) при раздѣлѣ обществами надѣльныхъ земель на отрубные участки и г) при отводѣ къ однимъ мѣстамъ черезполосныхъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ".

Ссудами для указанныхъ цѣлей подъ залогъ надѣльной земли могутъ пользоваться, согласно ст. 1 закона, сельскія и селенныя общества, владѣльцы подворныхъ участковъ, домохозяева, выдѣлившіе свои надѣлы изъ общины, и товарищества крестьянъ, спеціально обращающіяся „для пріобрѣтенія надѣльной земли". Словомъ, къ совершенію займовъ приглашаются какъ отдѣльные крестьяне, такъ и разныя группы ихъ.

„Ставка на сильныхъ", связанная съ объявленіемъ законодателемъ войны общинному землевладѣнію, особенно рельефно проведена въ законѣ 14 іюня 1910 г. (9 ноября 1906 г.).

Въ основныхъ чертахъ содержаніе этого закона таково:

Признавая общины, не производившія передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, перешедшими къ подворному пользованію, законъ объявляетъ собственниками этихъ участковъ не крестьянскія семьи (крестьянскій дворъ), какъ это традиціонно признавалось до послѣдняго времени и Положеніями 19 февр. и сенатомъ, но лишь отдѣльныхъ старшихъ домохозяевъ, стоявшихъ во главѣ семействъ въ моментъ опубликованія этого закона.

Въ то же время законъ признаетъ поземельную общину не юридическимъ лицомъ, какъ это было до того признано наукою, сенатской практикой и закономъ, но именно общею собственностью старшихъ домохозяевъ тѣхъ семействъ, которыя входятъ, опятъ таки къ моменту изданія закона, въ составъ данной общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый домохозяинъ-общинникъ можетъ (ст. 9 закона) во всякое время требовать отъ общины 1) укрѣпленія въ личную свою собственность усадебной и полевой земли частнаго пользованія, предоставленныхъ ему общиной по послѣднему передѣлу и выдѣленія ихъ въ одномъ *отрубѣ* изъ земли общины; 2) признанія за нимъ постоянной доли участія въ пользованіи непередѣляемыми угодьями общины (проѣзды, выгоны, водопои, выпасы, оброчныя статьи и проч.).

Если же община находитъ почему-либо такое требованіе невыполнимымъ или нежелательнымъ, она обязана удовлетворить желающаго выдѣлиться домохозяина деньгами, по взаимному съ нимъ соглашенію, а при недостиженіи соглашенія—по оцѣнкѣ, установляемой уѣздной землеустроительной комиссіей (выкупъ общинной надѣла у общинника). Однако этого права выкупа община *не имѣетъ*: 1) при общихъ передѣлахъ, если заявленіе о выдѣлѣ сдѣлано до постановленія приговора о передѣлѣ. 2) внѣ общихъ передѣловъ: а) если выдѣла потребуютъ не менѣе одной пятой части домохозяевъ, а въ общинахъ, гдѣ число домохозяевъ болѣе 250 и не менѣе 50 домохозяевъ, б) и по заявленію хотя бы одного домохозяина, когда выдѣлъ участка признанъ уѣздною землеустроительной комиссіей возможнымъ и не связаннымъ съ особыми неудобствами.

Мало того, если выдѣла себѣ надѣловъ въ собственность потребуетъ болѣе половины домохозяевъ-общинниковъ, то обязательный выдѣлъ къ однимъ мѣстамъ участковъ, уже укрѣпленныхъ въ собственность за отдѣльными домохозяевами, производится и безъ ихъ на то согласія.

Мы видѣли здѣсь опредѣленное намѣреніе законодателя покончить съ основными формами крестьянскаго землепользованія, установленными по положеніямъ 19 февраля 1861 года и ввести взамѣнъ ихъ отрубныя и хуторскія

хозяйства мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ европейскаго типа.

Какъ извѣстно, этотъ законъ встрѣтилъ къ себѣ крайне суровое отношеніе въ нашей юридической литературѣ.

Здѣсь не мѣсто подробно критиковать его и мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями по его поводу.

Коренной ошибкой законодателя здѣсь является смѣшеніе представленія объ общинной земельной собственности, т. е. собственности общины, какъ юридическаго лица, съ собственностью общей (condominium) нѣсколькихъ лицъ. Ошибка эта, увы, для нашего законодательства не нова: съ ней мы встрѣчаемся и въ ст. 555, т. X, ч. I и въ ст. 165 пол. о выкупѣ, наконецъ, и въ мотивахъ редакціонныхъ комиссій. Но въ настоящее время ошибочность такого отождествленія уже давно доказана и не возбуждаетъ въ юридической литературѣ никакихъ сомнѣній (см., напр., *Лыкошинъ* въ Ж. М. Юст. 1896, т. III, стр. 98).

Тѣмъ болѣе печальнымъ является возобновленіе ея въ позднѣйшемъ нашемъ законодательствѣ и признаніе на ея основаніи допустимымъ принудительнаго отчужденія частной земельной собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и при выдѣлѣ отрубныхъ участковъ изъ общинной земли, проведеніе признанія начала собственности на надѣльную землю сообразно съ фактическимъ владѣніемъ каждаго общинника неизбѣжно породитъ крупную неравномѣрность правъ: одни получатъ много земли, другіе мало, особенно, гдѣ давно не было общихъ передѣловъ. До сихъ поръ такая неравномѣрность владѣнія, чисто случайная, терпѣлась общинниками въ надеждѣ на будущій передѣлъ, когда послѣдовало бы уравненіе надѣловъ. Теперь же, съ отнятіемъ этой надежды, у крестьянъ неизбѣжно возникнетъ недовольство противъ правительства, снова ставшаго на стезю „попечительныхъ заботъ“ печальной памяти Толстовской политики и вмѣшивающагося въ тѣ области хозяйственнаго землепользованія, которыя всецѣло должны быть оставлены вѣдѣнію самого крестьянства. Это возбужденіе крестьянъ противъ правительства еще болѣе усилится, когда они увидятъ, что превращеніемъ владѣнія общиннымъ надѣломъ въ право соб-

ственности правительство, вмѣсто борьбы съ черезполосицей —этой язвой сельского хозяйства, искусственно вводитъ ее крестьянамъ; притомъ въ такомъ размѣрѣ, когда при господствующей системѣ раздачи общиной общинникамъ участковъ мельчайшаго дробленія во всѣхъ трехъ поляхъ (полосы, коны, шматки и т. д.) теперь, послѣ отмѣны передѣловъ и признанія этихъ земельныхъ клочковъ собственностью ихъ владѣльцевъ, благодаря черезполосицѣ, придется бросить и самое землепользованіе, за невозможностью пробираться на свои участки, не нарушая правъ собственности сосѣдей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ хуторская система можетъ имѣть успѣхъ при наличности закона или обычая о недѣлимости владѣнія, когда оно остается „замкнутымъ“, и въ случаѣ наслѣдованія переходитъ къ одному — по началу минората или майората. Такого обычая у насъ не существуетъ и введенія такого закона не предполагается. При существующихъ же постановленіяхъ о наслѣдованіи, понятно, немыслимо устойчивое и сколько-нибудь продолжительное существованіе отрубнаго владѣнія. Когда земля дѣлится между всѣми сонаслѣдниками, хуторское или отрубное владѣніе, какъ общее правило, не просуществуетъ болѣе одного поколѣнія, и вмѣсто него возникнетъ владѣніе пополосное, но уже совсѣмъ иного типа, чѣмъ то, которое наблюдается при общинномъ владѣніи; возникнетъ, вѣроятнѣе всего, та спеціальная черезполосица, при которой неизбѣженъ принудительный сѣвооборотъ. Другимъ послѣдствіемъ явится распыленіе надѣловъ (судьба *дворянскихъ* земель у насъ).

Законъ 14 іюня, по мысли авторовъ его, долженъ пересоздать весь строй земельныхъ отношеній. Законъ этотъ не только разграничиваетъ сферы взаимнаго соприкосновенія интересовъ разныхъ лицъ, но надѣленъ еще и энергіей дѣйствія. Ему въ помощь отданъ аппаратъ исполнительной власти. Онъ пользуется преимущественнымъ вниманіемъ на мѣстахъ. При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ законъ, если бы онъ дѣйствительно шелъ въ уровень съ требованіями жизни, долженъ былъ бы привести къ весьма замѣтнымъ и внушительнымъ результатамъ. Между тѣмъ, согласно „Извѣстіямъ Земскаго Отдѣла М-ва Внутр. Дѣлъ за 1910 годъ“, практическіе результаты новаго закона далеко

не даютъ основаній къ оптимистическимъ выводамъ. За четыре года его примѣненія, не смотря на всѣ усилія правительства, общее число домохозяевъ, за которыми окончательно состоялось укрѣпленіе земли въ личную собственность, опредѣляется въ 1.372.794; причемъ площадь всей укрѣпленной земли въ ихъ личную собственность равняется 10.081.348 десятинъ. При сравненіи съ общимъ количествомъ крестьянъ и земли, находящейся у нихъ въ настоящее время въ собственности (см. ниже), эти цифры поражаютъ своею незначительностью.

Полвѣка отдѣляетъ насъ отъ великой реформы, создавшей по волѣ Царя изъ крѣпостныхъ свободныхъ гражданъ. Однако, и теперь важнѣйшимъ источникомъ средствъ жизни для крестьянства служитъ земля; по крайней мѣрѣ, опытъ ряда лѣтъ показалъ тщету усилій перестроить крестьянскій хозяйственный бытъ путемъ промышленнаго развитія страны. Крестьянинъ-землевладѣлецъ теперь, какъ и прежде, господствуетъ количественно надъ всѣмъ населеніемъ Россіи. Послѣднія данныя, которыми располагаетъ статистика землевладѣнія въ Россіи, даютъ здѣсь интересныя указанія.

Надѣльной собственности (по даннымъ 1905 г.) было въ 50 губерніяхъ 138.767 т. дес., т. е. 35% всей площади землевладѣнія. Изъ этого числа (исключая *казачьи* надѣльныя земли) состояло въ *общинномъ* пользованіи — 100.701 т. дес. и въ *подворномъ* пользованіи—22.977 т. дес. По составу населенія крестьяне составляютъ *841 чел. на 1000 всѣхъ жителей*, тогда какъ дворянъ и чиновниковъ приходится 15 чел., почетныхъ гражданъ и купцовъ—6, мѣщанъ—106 и духовенства—5 чел. на тысячу.

Мы говорили уже, что помѣщичьи крестьяне получили душевой надѣлъ въ среднемъ въ 3,2 дес. Принимая же въ соображеніе естественный приростъ населенія, которое *удваивается* за періодъ около *50 лѣтъ*, можно легко вычислить, что душевой надѣлъ бывш. помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время понизился въ среднемъ до *1,6 дес.* Соотвѣтственно съ этимъ наблюдается теперь пониженіе надѣловъ бывш. государственныхъ крестьянъ до 3,5 дес, и бывшихъ удѣльныхъ до 2,45 десят. При такомъ малоземельѣ теперь

крестьяне въ большинствѣ случаевъ (до 76% всѣхъ ихъ) собираютъ со своихъ надѣловъ хлѣба менѣе 21 пуда на душу, т. е. менѣе того количества, которое требуется для прокормленія себя, семьи и необходимой въ хозяйствѣ скотины.

Таковъ вышелъ конечный результатъ желанія Импер. Александра II, чтобы земельный надѣлъ былъ предоставленъ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу „для обезпеченія его быта и исполненія его обязанностей передъ правительствомъ"...

Признавъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ недостатокъ земельнаго обезпеченія крестьянъ надѣлами, правительство приняло рядъ мѣръ для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія. Въ этихъ цѣляхъ, между прочимъ, 18 мая 1882 г. состоялось учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка. Особенно плодотворной оказалась дѣятельность банка въ силу указа отъ 3 ноября 1905 года, когда онъ сталъ учрежденіемъ болѣе землеустроительнымъ, чѣмъ кредитнымъ. Куплено крестьянами у крестьянскаго банка и при его содѣйствіи *26.812 т. дес.* Въ тѣхъ же цѣляхъ борьбы противъ малоземелья, 15 апрѣля 1896 г. изданъ законъ, облегчающій передвиженіе переселенцевъ, допускающій самовольное переселеніе. Въ итогѣ разрѣшенія переселеній за время отъ 1896 г. до 1908 г. изъ 50 губерній въ общемъ *выселилось болѣе полутора милліона душъ*, оставивъ въ пользованіи односельчанъ около 3 мил. десят. земельнаго надѣла, ставшаго какъ бы прибавкой къ надѣльной землѣ послѣдней. Такимъ образомъ, въ настоящее время крестьяне въ количествѣ до 102 милліоновъ душъ имѣютъ въ своей собственности надѣльной земли и „прикупокъ" *до 170 мил. дес.* Въ то же время, по даннымъ 1909 года Центральн. Статистич. Ком. подъ *продовольственными* хлѣбами находилось 56.315 т. дес. Изъ этого числа крестьянами засѣяно около 40 мил. десят. (не считая овса и картофеля), т. е. немного болѣе четвертой части (4/17) всей площади земель, находящихся въ ихъ владѣніи; остальная же масса, въ большей части своей, остается бездоходной....

Въ результатѣ полувѣкового самостоятельнаго веденія хозяйства крестьянами на малоземельныхъ надѣлахъ явился упадокъ ихъ экономическаго благосостоянія, грозя-

щій въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ серьезными осложненіями. Наше искреннее и много разъ высказываемое убѣжденіе, что давно уже пора правительству не ограничиваться палліативами, а обратить все свое вниманіе и силы на поднятіе умственнаго и экономическаго уровня крестьянства. Необходимо научить его цѣнить землю и умѣть извлекать изъ нея путемъ веденія раціональнаго хозяйства наибольшій доходъ тѣми средствами и при томъ строѣ и порядкѣ землевладѣнія и землепользованія, какой, смотря по мѣстности, окажется наилучшимъ. „Всѣ, кому дороги судьба и интересы русскаго государства и народа, очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что отъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія четырехъ пятыхъ народонаселенія зависитъ весь нашъ бытъ. Въ какомъ положеніи находятся крестьяне, въ такомъ будутъ и образованные классы".

Этими словами К. Д. Кавелина заканчиваю свою статью: хотя они и написаны 30 лѣтъ назадъ, но и теперь не утратили „прелесть новизны"...

С. Никоновъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
" 19 г.

Того-же автора:

Die Lehre von der Sequestration nach römischem Recht. Berlin 1894.

Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. СПБ. 1895 г.

Круговая порука, какъ обезпеченіе обязательствъ. СПБ. 1896 г.

Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. Ярославль. 1896 г.

Секвестрація въ гражданскомъ правѣ. Ярославль. 1900 г.

С. И. Никоновъ и *Е. И. Якушкинъ*—Гражданское право по рѣшеніямъ Крестоблгородскаго волостного суда Ярославской губерніи и уѣзда. Ярославль 1902 г.

Гражданское право.—Указатель литературы. Харьковъ. 1904 г.

Развитіе защиты владѣнія въ средневѣковой Европѣ. Харьковъ. 1905 г.

Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее. Харьковъ. 1906.

Краткій учебникъ Исторіи Римскаго права. Харьковъ. 1905 г.

Actio spolii—Харьковъ. 1908 г.

Кб

Цѣна **50** коп.